

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ТВОРЦЫ ЗАКЛИНАНИЙ

Equal Rites

Плоский мир

Терри Пратчетт
Творцы заклинаний

«Эксмо, Домино»

1987

Пратчетт Т.

Творцы заклинаний / Т. Пратчетт — «Эксмо, Домино»,
1987 — (Плоский мир)

Что касается таких вещей, как вино, женщины и песни, то волшебникам позволено надираться до чертиков и горланить во все горло сколько им вздумается. А вот женщины... Женщины и настоящая магия несовместимы. Магический Закон никогда не допустит появления особы женского пола в Незримом Университете, центре и оплоте волшебства на Диске. Но если вдруг такое случится...

Терри Пратчетт

Творцы заклинаний

Огромная благодарность Нилу Гэйману, одолжившему нам последний сохранившийся экземпляр «Liber Paginarum Fulvarum», и большой привет всем ребятам из Воскресного клуба поклонников Г. Ф. Лавкрафта.

С самого начала хотелось бы расставить все точки над i. Эта книга не «с приветом». «С приветом» бывают только тупоголовые рыжие девицы в комедиях пятидесятых годов.

Но она и не с приколом.

Эта книга про волшебство, про то, куда оно девается и – что, наверное, намного важнее – откуда берется. Хотя данный манускрипт не претендует на то, чтобы ответить на какой-либо из вышеозначенных вопросов.

Тем не менее он, вероятно, поможет объяснить, почему Гэндальф никогда не женился и почему Мерлин был мужчиной. Видите ли, эта книга также касается вопросов пола – не того, деревянного, паркетного или земляного, – а мужского и женского. Поэтому герои могут в любой момент выйти из-под контроля автора. Такое случается.

Но прежде всего эта книга про мир. Вот он приближается. Смотрите внимательно, спецэффекты обошлись недешево.

Слышится звук контрабаса. Глубокая, вибрирующая нота, намекающая на то, что в любую секунду может вступить духовая секция, насыщая космос фанфарами. Сцена представляет собой черноту космического пространства, в которой мерцает несколько звезд, похожих на перхоть на плечах Создателя.

Потом откуда-то сверху появляется она (или он), огромное, чем самый огромный, мерзко ошетилившийся пушками звездный крейсер, рожденный воображением режиссера-космотолога. Это черепаха, черепаха длиной десять тысяч миль. Это Великий А’Туин, одна из редких космических рептилий, обитающих во вселенной, где вещи меньше всего похожи на то, какими они должны быть, а скорее выглядят такими, какими люди их себе представляют. Великий А’Туин несет на своем изрытом метеоритными кратерами панцире четырех гигантских слонов, которые держат на исполинских плечах громадный круг Плоского мира.

Камера отъезжает, и в поле зрения появляется весь Диск, освещенный крошечным, вращающимся вокруг него солнцем. Здесь присутствуют континенты, архипелаги, моря, пустыни, горные цепи. Имеется даже малюсенький центральный ледниковый покров. Обитателям этого мирка глубоко чужды теории о том, что земля обязана иметь форму шара. Их мир, обрамленный океаном, который вечно низвергается в пространство одним гигантским водопадом, – этот мир круглый и плоский, как геологическая пицца, хоть и без анчоусов.

Подобный мир может существовать только потому, что даже у богов есть чувство юмора. А еще он просто обязан быть местом магическим. И разделенным по половым признакам.

Он шел сквозь грозу, и в нем сразу можно было признать волшебника – отчасти по длинному плащу и резному посоху, но главным образом по дождевым каплям, которые зависали в нескольких футах над его головой и превращались в пар.

То был край суровых гроз, верховья Овцепикских гор, край зазубренных пиков, густых лесов и маленьких речных долин, настолько глубоких, что не успевал дневной свет добраться до дна, как ему уже было пора возвращаться обратно. Растрепанные клочья тумана льнули к менее высоким утесам, виднеющимся над горной тропой, по которой, скользя и оступаясь,

брел волшебник. Несколько коз наблюдали за ним глазками-щелочками, в которых светился легкий интерес. Да только чтобы заинтересовать коз, много не нужно.

Периодически волшебник останавливался и подбрасывал тяжелый посох в воздух. Посох, приземляясь, всегда указывал в одну и ту же сторону. Хозяин со вздохом поднимал его и, хлюпая по грязи, брел дальше.

Гроза, рокоча и ворча, обходила холмы на ногах-молниях.

Волшебник скрылся за поворотом, и козы снова принялись щипать мокрую траву.

Но что-то заставило их оторваться от этого занятия. Козьи глаза расширились, ноздри раздулись. Хотя на тропе ничего не было. Но козы все равно провожали взглядами это «ничто», пока оно не скрылось из виду.

В узкой долине, зажатой между крутыми лесистыми склонами, примостилась деревушка, совсем крошечная, ее ни в жизнь не найдешь на карте гор. Она едва заметна даже на карте самой деревни.

По сути, это было одно из мест, которые существуют только для того, чтобы люди могли происходить отсюда родом. Вселенная кишмя кишит такими местечками – укромными деревушками, открытыми всем ветрам городками под бескрайним небом, одинокими хижинами в промозглых горах. Согласно истории, в этих невероятно заурядных местах зачастую берет начало нечто необычайное. Как правило, об этом свидетельствует лишь маленькая табличка, сообщающая, что вопреки всякой гинекологической вероятности именно в этом домишке и в этой комнатке (поднимите глаза, вон то окно) родился кто-то весьма и весьма знаменитый.

Когда волшебник пересек узкий мосток над вздувшимся ручьем и направился к деревенской кузнице, меж домами клубился туман. Впрочем, эти два факта не имеют друг с другом ничего общего. Туман бы клубился в любом случае: это был опытный туман, который возвел умение клубиться в ранг высокого искусства.

В кузнице, разумеется, было полно народу. Кузница – единственное место, где наверняка можно согреться и перекинуться с кем-нибудь словом. Несколько жителей деревни сидели развалившись в теплом полумраке, однако появление волшебника заставило их выжидающе выпрямиться. С незначительным успехом они попытались принять умный вид.

Однако кузнец не счел нужным проявлять подобное подобострастие. Он кивнул волшебнику, но то было приветствие равного равному. Любой мало-мальски сведущий кузнец знает, что такое магия и как с ней управляться, – хотя некоторые лишь тешат себя.

Волшебник поклонился. Спавшая у горна белая кошка проснулась и окинула его внимательным взглядом.

– Как называется эта деревня, почтенный? – осведомился волшебник.

– Дурной Зад, – пожав плечами, ответил кузнец.

– Дурной?..

– Зад, – повторил кузнец.

«Ну, давай, давай, – хорохорился его вид. – Попробуй только отпустить какую-нибудь шуточку».

Волшебник обдумал доведенную до его сведения информацию.

– Видать, за этим названием скрывается какая-то история, которую, сложишь обстоятельства иначе, я бы с удовольствием выслушал, – сказал он наконец. – Но я хотел бы поговорить с тобой о твоём сыне.

– О котором? – поинтересовался кузнец, и его приспешники подобострастно захихикали.

Волшебник улыбнулся.

– У тебя ведь семь сыновей... А сам ты был восьмым сыном.

Лицо кузнеца застыло. Он повернулся к остальным.

– Так, дождь почти закончился. Чешите все отсюда. Мне и... – вопросительно приподняв брови, он посмотрел на волшебника.

– Драм Биллет, – представился тот.

– Мне и господину Биллету надо перекинуться парой слов.

Он неопределенно махнул молотом, и присутствующие, оглядываясь через плечо – вдруг волшебник отколет что-нибудь напоследок, – один за другим разошлись.

Кузнец вынул из-под верстака пару табуретов, вытащил из стоящего рядом с бочкой воды буфета бутылку и налил в два маленьких стаканчика какую-то прозрачную жидкость.

Волшебник и кузнец сидели и смотрели на дождь. Над мостом стелился туман.

– Я догадываюсь, какого сына ты имеешь в виду, – сказал вдруг кузнец. – Старая матушка сейчас наверху, у моей жены. Восьмой сын восьмого сына. Мне приходило это в голову, но, честно говоря, я как-то не ободрялся. Ну-ну. Волшебник в семье, а?

– Быстро соображаешь, – буркнул Биллет.

Белая кошка соскочила со своей лежанки, неторопливо пересекла кузницу, вспрыгнула ему на колени и свернулась в клубок. Тонкие пальцы волшебника начали рассеянно поглаживать ей спинку.

– Ну-ну, – повторил кузнец. – Волшебник в Дурном Заду, а?

– Возможно, возможно, – ответил Биллет. – Но сначала ему придется закончить Университет. И очень может быть, дела у него пойдут успешно.

Кузнец рассмотрел это предположение со всех сторон и решил, что оно ему нравится. Вдруг его словно осенило.

– Погоди-ка! – воскликнул он. – Помню, отец некогда рассказывал мне... Волшебник, знающий, что смерть его близка, может вроде как передать свое, ну, вроде как волшебство вроде как преемнику, верно?

– Верно, – согласился волшебник. – Правда, мне никогда не удавалось изложить это столь кратко и доходчиво.

– Значит, ты вроде как скоро умрешь?

– О да.

Пальцы волшебника пощекотали кошку за ухом, и та замурлыкала.

На лице кузнеца отразилось смущение.

– Когда?

Волшебник поразмыслил секунду.

– Минут через шесть.

– О-о.

– Не волнуйся, – успокоил волшебник. – По правде говоря, я жду этого с нетерпением. Я слышал, это совершенно не больно.

Кузнец обдумал его слова.

– И кто тебе такое сказал? – изрек он наконец.

Биллет сделал вид, будто погрузился в свои мысли. Он смотрел на мост, пытаясь разглядеть в тумане красноречивое завихрение.

– Слушай, – окликнул его кузнец. – Ты бы лучше объяснил мне, как правильно воспитывать волшебника. Видишь ли, в наших краях волшебников отродясь не бывало и...

– Все уладится само собой, – любезно заверил его Биллет. – Магия привела меня к тебе, она же позаботится обо всем остальном. Так оно обычно бывает. Кажется, я слышал крик?

Кузнец поднял глаза на потолок. Сквозь шум дождя до них донеслись звуки, издаваемые парой новеньких, работающих на полную мощь легких.

Волшебник улыбнулся.

– Пусть его принесут сюда.

Кошка у него на коленях уселась и заинтересованно уставилась на широкую дверь кухни, а потом, когда кузнец подошел к лестнице и окликнул тех, кто был наверху, соскочила на пол и неторопливо удалилась в противоположный угол, мурлыча, словно ленточная пила.

По ступенькам спустилась высокая худая женщина, которая держала в руках нечто, завернутое в одеяло. Кузнец торопливо повел ее к волшебнику.

– Но... – запротестовала она.

– Это очень важно, – напыщенно перебил ее кузнец. – Что нам делать теперь, господин?

Волшебник поднял свой посох. Посох достигал в высоту человеческого роста и был толщиной с Биллетово запястье. А еще его покрывала резьба, которая (кузнец аж сморгнул) менялась на глазах, будто не хотела, чтобы посторонние видели, что именно она изображает.

– Ребенок должен взять его в руку, – сказал Драм Биллет.

Кузнец кивнул, покопался в складках одеяла и, отыскав там маленький розовый кулачок, осторожно поднес его к посоху. Крошечные пальчики крепко обхватили отполированное дерево.

– Но... – вмешалась повитуха.

– Все в порядке, матушка, я знаю, что делаю. Она ведьма, господин, не обращай на нее внимания. Так, что теперь?

Волшебник не ответил.

– Что нам делать те...

Кузнец, осекшись, наклонился и взгляделся в лицо старого волшебника. Биллет улыбался, но одним богам было ведомо, что показалось ему таким забавным.

Кузнец сунул ребенка лихорадочно мечущейся женщине, как можно более уважительно разогнул тонкие, бледные пальчики и высвободил посох.

Посох был странно маслянистым на ощупь, словно статическое электричество. Само дерево казалось почти черным, но резьба выделялась на нем светлыми пятнами и резала глаз, стоило попробовать к ней присмотреться.

– Ну что, доволен собой? – спросила повитуха.

– А? О да. По правде говоря, да. А что?

Она откинула складку одеяла. Кузнец опустил взгляд и сглотнул.

– Не может быть. Он же сказал...

– А что он мог об этом знать? – презрительно хмыкнула матушка.

– Но он же сказал, что родится сын!

– Знаешь, приятель, по мне, так это не больно-то похоже на сына...

Кузнец тяжело хлопнулся на свой табурет и обхватил голову руками.

– Что же я натворил?! – простонал он.

– Ты подарил миру первую женщину-волшебника, – отозвалась повитуха. – А сто это у нас здесь? Сто это за плелесть?

– Чего?

– Я разговаривала с *ребенком*.

Белая кошка замурлыкала и выгнула спину, словно ластясь к старому другу. Самое странное, никого рядом с ней не было.

– Какой же я дурак, – произнес чей-то голос, но слова эти не мог услышать ни один смертный. – Я думал, магия сама знает, что делать.

– ВОЗМОЖНО, ТАК ОНО И ЕСТЬ.

– О, если бы я мог что-нибудь изменить...

– НАЗАД ХОДУ НЕТ. НАЗАД ХОДУ НЕТ, – прогудел глубокий, тяжелый голос, похожий на грохот закрывающихся дверей склепа.

Струйка небытия, которая некогда была Драмом Биллетом, задумалась.

– Но у нее будет куча проблем.

– НАСКОЛЬКО МНЕ ИЗВЕСТНО, В ЭТОМ И ЗАКЛЮЧАЕТСЯ СМЫСЛ ЖИЗНИ. ХОТЯ МНЕ ОТКУДА ЗНАТЬ?

– А как насчет реинкарнации?

Смерть поколебался (не стоит забывать, что на Диске Смерть – мужского рода).

– ПОВЕРЬ МНЕ, ТЕБЕ ЭТО НЕ ПОНРАВИТСЯ.

– Я слышал, некоторые люди только этим и занимаются.

– ЗДЕСЬ ТРЕБУЕТСЯ ПОДГОТОВКА. НУЖНО НАЧАТЬ С НИЗШЕГО УРОВНЯ И ПРОДВИГАТЬСЯ ВВЕРХ. ТЫ ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЕШЬ, ЧТО ТАКОЕ БЫТЬ МУРАВЬЕМ.

– Неужели это так страшно?

– ЕЩЕ КАК. А С ТВОЕЙ КАРМОЙ Я БЫ И МУРАВЬЕМ НЕ НАДЕЯЛСЯ СТАТЬ.

Ребенка отнесли обратно к матери, а кузнец сидел, безутешно изучая дождь.

Драм Биллет почесал кошку за ухом и задумался о своей жизни. Она была долгой – одно из преимуществ профессии волшебника, – и он натворил много дел, о которых не всегда было приятно вспоминать. Самое время...

– ЗНАЕШЬ ЛИ, ВРЕМЕНИ У МЕНЯ НЕ ТАК УЖ МНОГО, – с упреком заметил Смерть.

Волшебник посмотрел на кошку, и только тут до него дошло, насколько странно она выглядит.

Живым невдомек, как сложно выглядит мир с точки зрения покойника, потому что смерть, освобождая разум от смиренной рубашки, в которой его держат три измерения, отсекает его также и от Времени, которое есть не что иное, как еще одно измерение. Хотя трущаяся о невидимые ноги Биллета кошка оставалась той же самой кошкой, которую он видел несколькими минутами раньше, она также являлась и крошечным котенком, и толстой, полуслепой старой кошачьей матроной, и всеми промежуточными стадиями. Одновременно. В результате кошка смахивала на белую кошкообразную морковку – описание, которым придется довольствоваться, пока люди не изобретут четырехмерные прилагательные.

Костлявая рука Смерти мягко постучала Биллета по плечу.

– ИДЕМ, СЫН МОЙ.

– Неужели я ничего не могу сделать?

– ЖИЗНЬ – ДЛЯ ЖИВЫХ. КРОМЕ ТОГО, ТЫ САМ ОТДАЛ ДЕВОЧКЕ СВОЙ ПОСОХ.

– Да уж. Что есть, того не отнять.

Повитуху звали матушка Ветровоск. Она была ведьмой. В Овцепикских горах этот вид деятельности считался вполне приемлемым занятием, и никто не мог сказать о ведьмах худого слова – если хотел проснуться утром в том же обличье, в котором ложился спать.

Кузнец все еще хмуро созерцал дождь, когда матушка снова спустилась по лестнице и похлопала его по плечу бородавчатой рукой.

Он поднял глаза.

– Что мне теперь делать, матушка?

Как он ни старался, в голосе его невольно прозвучала мольба.

– Ты куда дел волшебника?

– Вынес на улицу и положил в дровяном сарае. Я правильно поступил?

– Пока этого достаточно, – бодро ответила она. – А теперь ты должен сжечь посох.

Они оба обернулись и посмотрели на тяжелый жезл, который кузнец поставил в самый темный угол кузницы. Еще немного – и у них создалось бы впечатление, что посох смотрит на них в ответ.

– Но он же волшебный, – прошептал кузнец.

– И что с того?

– А он сгорит?

– Никогда не видела дерева, которое бы не горело.

– Мне это кажется неправильным!

Матушка Ветровоск хлопнула створками ведущих в кузницу дверей и сердито повернулась к нему.

– Послушай-ка меня, кузнец Гордо! Женщина-волшебник – это тоже неправильно! Для женщины такая магия не годится, магия волшебников – сплошные книги, звезды и гимметрия. Ей этого ни за что не осилить. Ты вообще когда-нибудь слышал о женщине-волшебнике?

– Но ведьмы-то существуют, – неуверенно отозвался кузнец. – И чародейки тоже.

– Ведьмы – это совсем другое дело, – отрезала матушка Ветровоск. – Это магия, исходящая из земли, а не с неба, и мужчинам ею никогда не овладеть. А о чародейках вообще лучше не говорить. Послушай моего совета, сожги посох, похорони тело и сделай вид, будто знать ничего не знаешь.

Кузнец неохотно кивнул, подошел к наковальне и принялся работать мехами. Когда из горна полетели яркие искры, он вернулся за посохом.

Сдвинуть его с места не удалось.

– Он вроде как прилип!

Кузнец дергал упрямую палку, пока у него на лбу не выступил пот. Посох упорно отказывался поддаваться его усилиям.

– Дай-ка я попробую, – предложила матушка и потянулась к посоху.

Что-то щелкнуло, и в воздухе запахло каленой жестью.

Кузнец, слегка поскуливая, торопливо бросился вслед за матушкой, приземлившейся вверх ногами у противоположной стены.

– Ты не ушиблась?

Она открыла глаза, похожие на гневно сверкающие бриллианты.

– Понятненько. Значит, вот ты как, да?

– Как? – переспросил совершенно обалдевший кузнец.

– Помоги мне подняться, болван. И принеси топор.

Ее тон ясно давал понять, что кузнец поступит очень благоразумно, если немедленно послушается. Он разворошил кучу старого хлама в глубине кузницы и достал старый обоюдоострый топор.

– Отлично. А теперьними передник.

– Зачем? Что ты задумала? – удивился кузнец, явно утративший контроль над ситуацией.

Матушка раздраженно вздохнула.

– Это кожа, идиот. Я оберну ее вокруг ручки. На одну и ту же уловку я дважды не пойматься!

Кузнец кое-как стянул тяжелый кожаный передник и осторожно подал его ведьме. Она обернула топор и сделала пару пробных взмахов. Изрядно смахивающая на паука в свете раскалившейся почти добела наковальни, матушка Ветровоск пересекла кузницу и, торжествуяще крикнув, с размаху опустила тяжелое лезвие на середину посоха.

Что-то щелкнуло. Что-то вжикнуло, как куропатка. Что-то гулко стукнуло.

Наступила тишина.

Кузнец, замерев на месте, медленно поднял руку и коснулся острой стали. Топорище отсутствовало, а сам топор впился в дверь рядом с головой кузнеца, отхватив крошечный кусочек уха.

Матушка, которая выглядела слегка размыто из-за того, что удар ее пришелся по абсолютно неподвижному предмету, уставилась на кусок дерева, оставшийся у нее в руках.

– Н-н-н-у и л-лад-н-но, – заикаясь, выговорила она. – В-в-в т-т-так-к-ком с-сл-лучае...

– Нет, – твердо сказал кузнец, потирая ухо. – Что бы ты ни собиралась предложить – нет. Оставь посох в покое. Я завалю его чем-нибудь. Никто и не заметит. Не трогай его больше. Это обыкновенная палка.

– Палка?

– А ты можешь придумать что-нибудь получше? Боюсь, что в следующий раз я вообще без головы останусь...

Матушка Ветровоск свирепо смерила глазами посох, который, похоже, полностью игнорировал ее.

– Прямо сейчас не могу, – наконец призналась она. – Но если ты дашь мне немного времени...

– Хорошо, хорошо. А пока извини, у меня дел неувпроворот, всякие незахороненные волшебники, ну и так далее...

Кузнец взял лопату, которая была прислонена к задней двери, но вдруг, засомневавшись, остановился.

– Матушка...

– Что?

– Ты случаем не знаешь, как правильно хоронить волшебника?

– Знаю!

– Ну и как?

Матушка Ветровоск задержалась у подножия лестницы.

– Очень осторожно.

Последний медлительный луч оставил долину, и на деревню мягко опустилась ночь, а в усеянном звездами ночном небе засияла бледная, умытая дождем луна. Из темного сада, что располагался позади кузницы, доносились стук лопаты о камень и приглушенные проклятия.

В колыбельке на втором этаже первая женщина-волшебник Плоского мира спала и не видела во сне ничего особенного.

Белая кошка дремала на личной полочке рядом с горном. Единственным звуком, раздающимся в теплой кузнице, было потрескивание углей, остывающих под пеплом.

Посох стоял в углу, где ему и хотелось стоять, окутанный теньями, которые были чуть более черными, чем обычные тени.

Время шло, в чем, собственно, и состояла его основная работа.

В кузнице что-то слабо зазвенело, пронесся порыв воздуха. Какое-то время спустя белая кошка уселась на своей лежанке и принялась с интересом наблюдать за происходящим.

Наступил рассвет. Здесь, в Овцепикских горах, рассветы выглядят очень впечатляюще, особенно если гроза очистит воздух. Из долины, занимаемой Дурным Задом, открывался вид на менее высокие горы и предгорья, озаряемые ранним утренним светом, который медленно лился по их склонам (потому что в мощном магическом поле Диска свет никуда не спешит) пурпурными и оранжевыми красками. Дальше расстилались обширные равнины, все еще утопающие в тени. Еще дальше поблескивало море.

По сути дела, отсюда можно было увидеть весь Плоский мир до самого Края.

Причем это не поэтический образ, а простой и непреложный факт, поскольку Диск имеет плоскую поверхность. Более того, всем известно, что передвигается Плоский мир на спинах четырех слонов, которые, в свою очередь, стоят на панцире А'Туина, Великой Небесной Черепахи.

Внизу, в долине, Дурной Зад начинает просыпаться. Кузнец только что зашел в кузницу и с удивлением обнаружил, что в ней царит порядок, коего за последние сто лет не наблюдалось здесь ни разу. Все инструменты лежат на своих местах, пол подметен, а горн подготовлен к

тому, чтобы разжечь в нем огонь. Кузнец сидит на наковальне, которая оказалась передвинутой в другой конец кузницы, смотрит на посох и пытается думать.

В течение семи лет не происходило ничего важного, если не считать того, что одна из яблонь в саду кузнеца заметно обогнала в росте своих сестриц. На эту яблоню частенько лазила маленькая девочка с каштановыми волосами, дыркой между передними зубами и чертами лица, которые обещали стать если не красивыми, то, по крайней мере, интересными.

Ее называли Эскариной – без всяких на то особых причин, просто ее родной матери нравилось, как звучит это имя. Хотя матушка Ветровоск не переставала внимательно присматриваться к девочке, ей так и не удалось обнаружить никаких признаков магии. Ну да, Эскарина, в отличие от обычных маленьких девочек, проводила гораздо больше времени, лазая по деревьям и носясь с воплями по двору, но девочке, четверо старших братьев которой до сих пор живут дома, можно многое простить. Так что ведьма постепенно успокоилась и начала думать, что магия все-таки не привилась.

Но магия имеет привычку прятаться, словно грабли в траве.

Снова наступила зима, которая на этот раз выдалась суровой. Облака, точно большие толстые бараны, висели над Овцепикскими горами, заполняя лощины снегом и превращая леса в безмолвные, мрачные пещеры. Перевалы завалило, и следующий караван ожидался только весной. Дурной Зад превратился в маленький островок тепла и света.

– Беспokoюсь я за матушку Ветровоск, – как-то раз за завтраком сказала мать Эскарины. – Что-то в последнее время ее не видать.

Кузнец мрачно посмотрел на жену поверх ложки с овсяной кашей.

– А я и не жалею. У нее...

– Слишком длинный нос, – вставила Эск.

Родители уставились на девочку свирепыми взглядами.

– Нехорошо так отзываться о взрослых людях, – строго заявила мать.

– Но папа сам говорил, что она вечно сует свой...

– Эскарина!

– Но он...

– Я сказала...

– Да, но он действительно говорил, что у нее...

Кузнец дотянулся до дочери и шлепнул ее по попе. Шлепок вышел не очень сильным, но кузнец все равно пожалел о содеянном. Мальчишкам доставалось и от его ладони, и – когда они того заслуживали – от его ремня. Однако беда с дочерью заключалась не в обычном непослушании, а в досадной привычке продолжать спор, когда его давно следовало закончить. Это всегда приводило кузнеца в смятение.

Эскарина ударилась в слезы. Кузнец, злой и сконфуженный своим поведением, поднялся из-за стола и, громко топая, удалился в кузницу.

Оттуда донесся громкий треск, за которым последовал глухой удар.

Кузнеца нашли лежащим на полу без сознания. Впоследствии он утверждал, что ударился лбом о притолоку. Правда, роста он был невысокого и раньше без труда проходил в дверь... Во всяком случае, к смазанному пятну, мелькнувшему в самом темном углу кузницы, случившееся не имело никакого отношения – так очень хотелось думать кузнецу.

Каким-то образом эти события наложили отпечаток на весь день, который стал днем битой посуды, днем, когда все мешались друг у друга под ногами и раздражались без причины. Мать Эскарины разбила кувшин, который принадлежал еще ее бабке, а на чердаке заплесневел целый ящик яблок. Горн в кузнице заупрямился и наотрез отказывался разгораться. Джаймс, старший сын, поскользнулся на обледенелой дороге и вывихнул руку. Белая кошка, или, воз-

можно, кто-то из ее потомков – кошки вели свою уединенную и сложную жизнь на сеновале рядом с кузницей, – ни с того ни с сего залезла в дымоход и наотрез отказалась спускаться вниз. Даже небо, нависающее над деревней, стало похоже на старый матрац, а воздух, несмотря на свежевывающий снег, казался каким-то спертым.

Истерзанные нервы, скука и дурное настроение заставляли атмосферу гудеть, словно перед грозой.

– Ну ладно! Все. С меня хватит! – выкрикнула мать Эскарины. – Церн, возьми Гальту и Эск, проведайте-ка вы матушку... Кстати, а где Эск?

Два младших брата, затеявшие под столом лишенную всякого энтузиазма драку, подняли головы.

– Она ушла в сад, – сообщил Гальта. – Снова.

– Ну так приведи ее, и отправляйтесь.

– Но там холодно!

– И снег вот-вот пойдет!

– До матушки всего одна миля, и дорога расчищена. Кроме того, кому это так не терпелось выскочить на улицу, когда впервые пошел снег? Марш отсюда, и не возвращайтесь, пока у вас не исправится настроение.

Эскарину нашли сидящей в развилке большой яблони. Это дерево мальчишки недолюбливали. Прежде всего, оно настолько заросло омелой, что даже зимой выглядело зеленым. Яблоки, которые оно приносило, были мелкими и за одну ночь из кислятины, от которой сводило животы, превращались в переспевшие, прогнившие, гудящие осами огрызки. Хотя с виду на яблоню было нетрудно залезть, в самый неподходящий момент на ней, как правило, ломались ветки. Церн клятвенно заверял, что как-то раз одна ветка нарочно вывернулась у него из-под ног. Но Эск дерево терпело, и девочка обычно залезала на него, когда была чем-то раздражена или сыта по горло и когда ей хотелось побыть одной. Интуитивно мальчишки осознавали, что неотъемлемое право каждого брата нежно мучить свою младшую сестричку заканчивается у ствола этой яблони. Так что они кинули в Эск снежком. И промахнулись.

– Мы идем проведать старуху Ветровоск.

– Но ты за нами не ходи.

– Потому что из-за тебя нам придется идти медленнее. А еще ты плакса.

Эск бросила на них серьезный взгляд. Она редко плакала, ей всегда казалось, что слезами мало чего добьешься.

– Если вы так не хотите брать меня с собой, тогда я пойду, – заявила она.

Среди братьев и сестер подобные заявления считаются очень даже логичными.

– О, мы очень хотим, чтобы ты пошла с нами, – быстро откликнулся Гальта.

– Рада слышать, – сказала Эск, прыгивая на утоптаный снег.

Они прихватили с собой корзинку, в которой лежали копченые колбаски, вареные яйца и – поскольку их мать была не только щедрой, но и расчетливой – большая банка персикового варенья, которое в семье никто не любил. Но каждый год, когда созревали маленькие дикие персики, мама упорно варила его вновь.

Жители Дурного Зада научились уживаться с долгими зимними снегами, и ведущие из деревни дороги были ограждены с обочин досками, чтобы уменьшить заносы и не дать путникам заплутать. Впрочем, если человек жил поблизости, он мог плутать сколько угодно, потому что какой-то невоспетый потомками местный гений, заседавший в деревенском совете несколько поколений назад, выступил с идеей пометить зарубками каждое десятое дерево в лесу в радиусе двух миль от деревни. На это ушли века, и с тех пор каждый мужчина, у которого выдавался свободный часок, немедленно отправлялся обновлять зарубки, зато зимой, когда во время снежного бурана человек может заблудиться в нескольких шагах от собственного

дома, не одна жизнь была спасена узором из зарубок, нащупанным испытующими пальцами под налипшим снегом.

Когда трое детей свернули с дороги и начали подниматься по тропе к домику ведьмы, который летом утопал в буйно разросшихся кустах малины и странной ведьмовской траве, снова пошел снег.

– Никаких следов, – заметил Церн.

– Кроме лисьих, – поправил Гальта. – Говорят, она умеет превращаться в лису. В кого угодно. Даже в птицу. Поэтому всегда знает, что происходит вокруг.

Они с опаской оглянулись по сторонам. На торчащем в отдалении пне сидела подозрительного вида ворона и внимательно наблюдала за ними.

– Поговаривают, что за Треснувшим пиком живет целая семья, которая умеет оборачиваться волками, – продолжал Гальта (он никогда не отказывался от многообещающей темы, не развив ее до конца). – Однажды ночью кто-то подстрелил волка, а на следующий день их тетка хромала, и у нее на ноге была рана от стрелы...

– А мне кажется, люди не могут превращаться в животных, – медленно произнесла Эск.

– И с чего ты это взяла, госпожа Всезнайка?

– Матушка очень большая. Если она обернется лисицей, что станет с теми кусками, которые не поместятся под шкуру?

– Она их просто заколдовывает, и они исчезают, – заявил Церн.

– По-моему, магия действует несколько иначе, – возразила Эск. – Ты не можешь взять и заставить что-то случиться, это как... Это как качаться на доске – когда ты опускаешь один конец, другой обязательно поднимается...

Ее голос постепенно затих.

Братья смерили сестру испытующими взглядами.

– Не могу представить себе матушку качающейся на доске, – заметил Гальта.

Церн хихикнул.

– Да нет, я хотела сказать, каждый раз, когда что-то происходит, должно произойти и что-то другое... Мне так кажется, – неуверенно произнесла Эск, огибая более высокий, чем обычно, сугроб. – Только... в противоположном направлении.

– Глупости, – перебил ее Гальта. – Вот помнишь, в прошлом году на ярмарку приехал настоящий волшебник? Он еще делал так, что всякая всячина и птицы появлялись из ниоткуда. То есть это просто происходило, он произносил нужные слова, взмахивал руками, и все случалось. Не было там никаких досок.

– Зато были карусели, – вставил Церн. – И такая штука, где надо было бросать одни штуки в другие штуки, чтобы выиграть разные штуки. Ты, Гальта, ни разу не попал.

– И ты тоже, ты еще сказал, что эти штуки специально приклеены к другим штукам, чтобы их нельзя было сбить, а потом сказал...

Разговор убрел куда-то в сторону, словно пара щенков. Эск прислушивалась к нему вполуха. «Я-то понимаю, что хотела сказать, – завершила она себя. – Творить магию легко, нужно только найти место, где все находится в равновесии, и подтолкнуть. Это может кто угодно. Здесь нет ничего магического. Чудные слова и размахивание руками – это просто... это для...»

Она окончательно запуталась, удивляясь самой себе. Мысль присутствовала в ее сознании, маячила перед самым носом. Только Эск не могла выразить ее словами...

Ужасно, когда находишь в своей голове всякие интересные вещи и не знаешь, что они там делают. Это...

– Шевели ногами, мы так целый день проходим.

Она тряхнула головой и поспешила за братьями.

Домик ведьмы состоял из стольких флигелей и пристроек, что понять, как он выглядел изначально и существовал ли когда-нибудь вообще, было очень трудно. Летом он был окру-

жен грядками, густо заросшими тем, что матушка неопределенно величала «травами», то есть необычными растениями, волосатыми, переплетающимися и стелющимися по земле, с любопытными цветками, ярко окрашенными плодами и неприятно набухшими стручками. Только матушка знала, для чего они предназначаются, а любой дикий голубь, который с голодухи решал позавтракать «травами», появлялся из грядок, хихикая себе под клюв и натываясь на все подряд (а иногда и вовсе не появлялся).

Сейчас огород был скрыт глубоко под снегом. На шесте одиноко хлопал чулок-флюгер. Матушка не одобряла полеты, но некоторые из ее подруг до сих пор пользовались метлами.

– Дом выглядит заброшенным, – подметил Церн.

– Дыма нет, – подхватил Гальта.

«Окна словно глаза», – подумала Эск, но оставила эту мысль при себе.

– Это всего лишь дом матушки, – заявила она вслух. – Ничего особенного.

Домик излучал пустоту. Они чувствовали это. Окна действительно походили на глаза, черные и угрожающие на фоне белого снега. Ни один разумный обитатель Овцепикских гор не допустит, чтобы зимой в его камине погас огонь; это вопрос чести.

Эскарине захотелось предложить вернуться домой, но она знала, что, если она промолвит хоть слово, мальчишки умчатся прочь со всех ног. Вместо этого она сказала:

– Мама говорит, что в туалете на гвоздике всегда висит ключ.

Это предложение также не вызвало энтузиазма. Даже в самом обыкновенном незнакомом туалете обитают всякие мелкие ужасы типа осиных гнезд, огромных пауков и таинственных существ, шуршащих на крыше. А в туалет одной семьи однажды, суровой зимой, забрался небольшой медведь и залег там в спячку, из-за чего все семейство жутко мучилось, пока мишка не согласился перебраться на сеновал. Ну а в туалете ведьмы могло встретиться вообще что угодно.

– Я пойду посмотрю? – добавила Эск.

– Иди, если тебе так хочется, – беспечно отозвался Гальта и почти незаметно облегченно вздохнул.

Когда Эск наконец открыла заметенную снегом дверь, представший ее взору туалет был аккуратным, чистым и не содержал ничего более зловещего, чем старый календарь-альманах, который был заботливо нацеплен на гвоздик. С точки зрения философии матушка неодобрительно относилась к чтению, но она никогда не стала бы утверждать, что книги, особенно книги со славными тонкими страничками, ни на что не годны.

Ключ лежал на полочке у двери вместе с куколкой какой-то бабочки и огрызком свечи. Стараясь не потревожить куколку, Эск осторожно взяла его и торопливо вернулась к братьям.

К передней двери было идти бессмысленно. Через передние двери в Дурном Заду входили-выходили только новобрачные и покойники, а матушка не желала присоединяться ни к тем ни к другим. Дверь с задней стороны домика была занесена снегом, и в бочке с водой уже давно не разбивали лед.

К тому времени, как они прокопали проход к двери и уговорили ключ повернуться в замке, в небе проглянуло заходящее солнце Плоского мира.

Большая кухня была темной и промозглой, и в ней пахло снегом. Она всегда была темной, но дети привыкли видеть в большом камине яркий огонь и вдыхать густые пары матушкиного варева. Иногда от запахов начинала болеть голова или мерещились всякие интересные штуковины.

Окликаая матушку, они неуверенно бродили по нижнему этажу, пока Эск наконец не решила, что больше тянуть время нельзя и надо подняться наверх. Щелчок задвижки на двери, ведущей к узенькой лестнице, прозвучал гораздо громче, чем следовало.

Матушка покоилась на кровати, и ее сложенные крест-накрест руки были прижаты к груди. Крошечное окошко распахнул ветер, и весь пол, всю кровать усеял мелкий снег.

Эск уставилась на лоскутное одеяло, на котором лежала женщина. Иногда какая-то незначительная деталь может разрастись и заполнить собой весь мир. Девочка почти не слышала плач Церна: она вспоминала, как две зимы назад, когда выпало почти столько же снега и в кузнице было мало дел, ее отец сшил это одеяло. Как он использовал лоскуты самых разнообразных тканей, попавших в Дурной Зад со всех концов света, – шелка, кожи оборотня, бумажного хлопка и шерсти турги. Поскольку шить он не умел, получилась довольно странная комковатая лепешка, больше похожая на плоскую черепаху, чем на одеяло, и мать Эск великодушно решила подарить это творение матушке на свячельник...

– Она умерла? – спросил Гальта, будто Эск была экспертом в подобных делах.

Эск уставилась на матушку Ветровоск. Лицо старухи было худым и серым. Мертвые что, так и выглядят? Разве ее грудная клетка не должна подниматься и опускаться?

Гальта взял себя в руки.

– Нужно привести кого-нибудь, и идти надо сейчас, потому что скоро станет темно, – решительно заявил он. – Но Церн останется здесь.

Брат с ужасом посмотрел на него.

– Зачем?

– С мертвыми должен кто-то оставаться, – ответил Гальта. – Помнишь, когда умер старый дядюшка Дергарт, отцу пришлось просидеть при свечках целую ночь? А иначе придет кто-нибудь страшный и заберет твою душу в... куда-нибудь, – неуклюже закончил он. – Тогда мертвецы возвращаются и начинают тебе являться.

Церн открыл было рот, чтобы снова зареветь.

– Я останусь, – торопливо вмешалась Эск. – Я не против. Это же всего-навсего матушка.

Гальта с явным облегчением перевел дыхание.

– Зажги свечи или что-нибудь еще. По-моему, именно так полагается поступать. А потом...

Что-то заскреблось о подоконник. Приземлившаяся на него ворона, моргая, с подозрением рассматривала детей. Гальта заорал и швырнул в нее шапкой. Ворона, укоризненно каркая, улетела, и он закрыл окно.

– Я видел ее здесь раньше. Наверное, матушка ее подкармливает. Подкармливала, – поправился он. – В общем, мы вернемся и приведем подмогу – это быстро. Идем, Церн.

Они с грохотом скатились по темной лестнице. Эск проводила их и заперла дверь.

Солнце превратилось в алый шар, висящий над горами, и на небе уже загорелись несколько ранних звезд.

Эск побродила по кухне и наконец отыскала огрызок сальной свечи с огнивом. После долгих усилий ей удалось зажечь свечу, и Эск поставила ее на стол, хотя на самом деле свеча не осветила кухню, а лишь наполнила ее тенями. Потом Эск уселась у холодного очага в матушкино кресло-качалку и стала ждать.

Время шло. Ничего не происходило.

Затем кто-то постучал в окно. Эск взяла почти догоревшую свечу и посмотрела в толстые мутные стекла.

На нее уставился желтый, круглый, как бусина, глаз.

Свеча замигала в лужице растопленного сала и погасла.

Эск застыла в полной неподвижности, не осмеливаясь даже дышать. Стук послышался снова. Потом он прекратился, и после непродолжительного затишья задребезжала щеколда на двери.

«Придет кто-нибудь страшный», – сказали мальчишки.

Девочка на ощупь вернулась к качалке и чуть не упала, споткнувшись о нее. Подтащив кресло к порогу, она как могла подперла дверь. Щеколда в последний раз звякнула и умолкла.

Эск прислушивалась до тех пор, пока в ушах у нее не зазвенело от тишины. Вскоре что-то тихо, но настойчиво забарабанило в маленькое окошко буфетной. Через некоторое время все смолкло, а мгновение спустя началось заново в спальне у нее над головой – тихий, скребущий звук, звук, который могут производить когти.

Эск понимала, что должна проявить мужество, но в такую ночь мужества хватало только на то время, пока горела свеча. Девочка плотно зажмурилась и снова на ощупь двинулась к двери.

В очаге что-то глухо стукнуло – это упал большой кусок сажи, из дымохода до Эск донеслось отчаянное царапанье. Девочка отодвинула засов, распахнула дверь и стремглав выскочила в ночь.

Холод ножом резанул по лицу. От мороза на снегу образовалась корка наста. Эск было все равно, куда бежать, но тихий ужас вселил в нее жгучую решимость добраться до этого «все равно куда» как можно скорее.

Ворона, окруженная клубами сажи и раздраженно бормочущая себе под нос вороньи проклятия, тяжело приземлилась в очаг и запрыгала в темноту. Мгновение спустя послышался стук щеколды лестничной двери и хлопанье крыльев по ступенькам.

Эск подняла руку и принялась ощупывать дерево в поисках зарубок. На этот раз ей повезло, но сочетание точек и желобков поведало ей, что она оказалась примерно в миле от деревни и бежала совсем не в ту сторону.

В небе сияла похожая на головку сыра луна, мелкие, яркие и безжалостные звезды были рассыпаны по черному покрывалу. Окружающий девочку лес представлял собой узор из теней и бледного снега. От зорких глаз Эск не укрылось, что далеко не все тени намереваются стоять неподвижно.

В деревне все знали, что в горах водятся волки – некоторыми ночами их вой эхом прокатывался по высоким пикам. Однако звери редко приближались к человеческому жилью – современные волки были потомками тех, кто выжил лишь благодаря твердо усвоенному правилу: о человечинку легко обломать зубы.

Но погода стояла суровая, и эта стая была достаточно голодна, чтобы напрочь позабыть о естественном отборе.

Эск припомнила то, чему учили всех детей. Залезь на дерево. Разожги огонь. Если ничего другого не остается, найди палку и, по меньшей мере, задай зверюгам хорошую трепку. Ни в коем случае не пытайся убежать.

Дерево за ее спиной было березой – гладкой и неприступной.

Эск увидела, как от раскинувшегося перед ней озера темноты отделяется длинная тень и медленно приближается. Усталая, перепуганная, неспособная больше соображать, девочка упала на колени в обжегший холодом снег и стала разгребать его, в отчаянии пытаясь отыскать хоть какую-нибудь палку.

Матушка Ветровоск открыла глаза и уставилась в потолок, который был покрыт трещинами и провисал, будто верх палатки.

Она сосредоточилась на том, что у нее руки, а не крылья, и что ей уже не нужно прыгать, чтобы передвигаться. После Заимствования следовало немножко полежать, чтобы разум привык к собственному телу, но сейчас у нее просто не было времени.

– Черт поberi эту девчонку, – пробормотала она и попыталась взлететь на спинку кровати.

Ворона – которая проделывала этот трюк не первую дюжину раз и считала (если птицы вообще могут считать, а это бывает крайне редко), что постоянный стол, состоящий из обрезков ветчины и отборных кухонных отходов, и теплый насест по ночам вполне стоят того, чтобы

время от времени испытывать неудобство, пуская матушку к себе в голову, – эта ворона наблюдала за ведьмой с легким интересом.

Матушка отыскивала башмаки и шумно загромыхала вниз по ступенькам, подавляя в себе заманчивые поползновения просто взять и спланировать вниз. Дверь была открыта настежь, и на полу уже намело небольшой сугроб мелкого снега.

– Вот зараза, – выругалась она, спрашивая себя, стоит ли пытаться отыскать сознание Эск.

Однако сознание человека не настолько четкое, как сознание животного, да и в любом случае суперсознание леса делало поиск не менее сложной задачей, чем попытку расслышать рев водопада за яростным громыханием грозы. Зато матушка сразу почувствовала сознание волчьей стаи. Оно походило на резкий смрад и наполняло рот вкусом крови.

Матушка различила на корке наста маленькие следы, наполовину засыпанные снегом. Ругаясь и бормоча что-то под нос, матушка Ветровоск закуталась в шаль и выскочила из дома.

Белая кошка, спящая на своей личной полочке в кухне, услышала подозрительные шорохи, доносящиеся из самого темного угла, и проснулась. Кузнец, уводимый близкими к истерике сыновьями, плотно прикрыл за собой двери, и кошка, любопытствуя, спокойно созерцала, как узкая тень сначала нерешительно потыкала замок, потом проверила петли...

Двери были дубовыми, затвердевшими от жары и времени, но это не помешало им улететь на другую сторону улицы.

Торопливо шагающий по дороге кузнец услышал в небе какой-то звук. Услышала его и матушка. Это было целеустремленное гудение, похожее на то, которое издает пролетающая гусятинная стая. Набухшие снегом тучи, оказавшиеся на пути предмета, вскипали и взвихрились.

Волки тоже слышали подозрительный шум. Но слышали они его слишком поздно. Источник гула пронесся на бреющем полете над верхушками деревьев и спикировал на поляну.

Матушке Ветровоск уже не нужно было приглядываться к цепочке следов. Она направилась напрямик туда, где мелькали вспышки потустороннего света и откуда доносились странные посвисты, глухие удары и умоляющие повизгивания. Мимо нее промчалась пара волков; их уши были прижаты к голове, и зверей переполняла твердая решимость унести отсюда лапы независимо от того, что встанет у них на пути.

Затрещали ломающиеся ветки. Что-то большое и тяжелое приземлилось на елку рядом с матушкой и, поскуливая, рухнуло в снег. Еще один волк пролетел параллельно земле и врезался в ствол дерева.

Наступила тишина.

Матушка раздвинула покрытые снегом ветви.

Она увидела широкий круг утоптанного снега. У его границы валялись несколько волков – либо мертвых, либо благоразумно решивших не шевелиться.

Посох был воткнут в снег, и матушке, опасливо обходящей его кругом, почудилось, будто он поворачивается, не выпуская ее из виду.

В центре круга виднелся небольшой, туго свернувшийся комок. С некоторым усилием матушка опустилась на колени и осторожно протянула к нему руку.

Посох шевельнулся. Легкая, почти незаметная дрожь прокатилась по нему, но рука матушки сразу остановилась, так и не дотронувшись до плеча Эскарины. Матушка свирепо уставилась на покрытую резьбой палку, подбывая ее шевельнуться снова.

Воздух сгустился. Потом посох словно отступил. Он никуда не делся, но предельно ясно дал ведьме понять, что это не поражение, а обыкновенный тактический маневр. Мол, ему, посоху, не хотелось бы, чтобы она подумала, будто одержала победу, ибо это не так.

Эск вздрогнула. Матушка рассеянно похлопала ее по спине.

– Это я, девочка. Всего лишь старая матушка.

Комок решил не разворачиваться.

Матушка закусила губу. За свою жизнь она так и не научилась общаться с детьми, поскольку все время смотрела на них – если смотрела вообще – как на нечто среднее между людьми и животными. Она умела обращаться с младенцами. С одного конца вливаешь молоко, а другой поддерживаешь в чистоте. Со взрослыми еще проще, потому что они кормятся и содержат себя в чистоте сами. Но между младенцами и взрослыми существует целый мир переживаний, которым она никогда по-настоящему не интересовалась. Насколько ей было известно, главное – не дать детям подхватить какую-нибудь смертельно опасную болезнь и надеяться, что все в конце концов образуется.

Матушка пребывала в полной растерянности, но в то же время понимала, что ей необходимо что-то предпринять.

– Сто, нехолодые волки нас напугали? – наугад высказалась она.

Это, похоже, сработало, хотя попытка была далека от совершенства.

– Мне, знаешь ли, уже восемь, – заявил приглушенный голос откуда-то из середины шара.

– Люди, которым уже восемь, не сидят в снегу, свернувшись в клубок, – парировала матушка, продираясь сквозь дебри разговора взрослого с ребенком.

Шар ничего не ответил.

– У меня дома, наверное, найдутся молоко и печенье, – рискнула матушка.

Желаемого эффекта это на шар не оказало.

– Эскарина Смит, если ты сию же минуту не начнешь вести себя как полагается, я тебя так отшлепаю!

Эск осторожно высунула голову и буркнула:

– А угрожать вовсе не обязательно.

Когда кузнец добрался до домика, матушка как раз подходила к двери, ведя за руку Эскарина. Мальчишки выглядывали из-за спины своего отца.

– Э-э, – изрек кузнец, не совсем представляя себе, как начать разговор с человеком, который предположительно уже мертв. – Мне, э-э, сообщили, что ты... несколько нездорова.

Он обернулся и смерил сыновей свирепым взглядом.

– Я просто отдыхала и, должно быть, заснула. А сплю я очень крепко.

– Ну да, – неуверенно отозвался кузнец. – Тогда ладно. А что случилось с Эск?

– Немного напугалась, – ответила матушка, сжимая руку девочки. – Тени и все такое. Ей нужно хорошенько согреться. Она слегка перенервничала, и я собиралась уложить ее спать в свою кровать, если ты не против.

Кузнец слегка сомневался в том, что он не против. Но твердо знал, что его жена, подобно остальным женщинам в деревне, относится к матушке с трепетным уважением и что возражения могут выйти ему боком.

– Что ж, прекрасно, прекрасно. Если тебе не трудно. Я пошлю за ней утром, хорошо?

– Договорились, – кивнула матушка. – Я пригласила бы тебя зайти, но камин мой потух...

– Нет-нет, не беспокойся, – торопливо заверил ее кузнец. – Меня ужин ждет. Подготавливает, – добавил он, искоса глянув на Гальту, который было открыл рот, чтобы что-то сказать, но вовремя передумал.

После того как они ушли, сопровождаемые громкими, отдающимися эхом протестами мальчишек, матушка втолкнула Эск в кухню и заперла за собой дверь. Достав из своего запаса над кухонным шкафом две свечи, она зажгла их и вытащила из старого сундука несколько потрепанных, но теплых шерстяных одеял, от которых ощутимо несло нафталином. Закутав Эск, она усадила девочку в качалку, а сама, под аккомпанемент побряхтываний и скрип суставов, опустилась на колени и принялась разводить огонь. Это была сложная церемония, в кото-

рой принимали участие сухие древесные грибы, стружки, расщепленные прутьи и большое количество выдуваемого воздуха и проклятий.

– Тебе не стоит так надрываться, матушка, – сказала Эск.

Матушка застыла и посмотрела на заднюю стенку камина. Довольно симпатичная стенка, ее много лет назад выковал кузнец, украсив орнаментом из сменяющих друг друга сов и летучих мышей. Однако в данный момент рисунок матушку не интересовал.

– Вот как? – абсолютно бесстрастно отозвалась она. – Ты, небось, знаешь лучший способ?

– Ты могла бы наколдовать огонь.

Матушка с величайшей заботой стала поправлять щепки в разгорающемся пламени.

– И как же, скажи на милость, я его наколдую? – осведомилась она, по всей видимости обращая свой вопрос к задней стенке камина.

– Э-э, – ответила Эск, – я... я не знаю. Но ты сама должна это знать. Всем известно, что ты умеешь творить чары.

– Есть чары, – заявила матушка, – а есть чары. Самое важное, девочка моя, – это знать, что можно делать при помощи волшебства, а что нельзя. И попомни мои слова, оно никогда не предназначалось для того, чтобы им разжигали огонь. В этом можешь быть уверена. Если бы Создатель хотел, чтобы мы для разжигания огня пользовались волшебством, он не дал бы нам... э-э... спичек.

– Но ты можешь зажечь огонь при помощи магии? – настаивала Эск, наблюдая за тем, как матушка вешает на крюк древний черный чайник. – Ну, если захочешь? Если бы это было позволено?

– Возможно, – согласилась матушка, которая все равно не смогла бы это сделать: огонь не имел сознания, он не был живым, и это лишь две из трех причин.

– При помощи чар огонь бы сразу разгорелся...

– То, что вообще стоит делать, можно делать либо хорошо, либо плохо, – изрекла матушка, ища спасения в афоризмах, последнем прибежище осаждаемых детьми взрослых.

– Да, но...

– И никаких «но».

Матушка порылась в темном деревянном ларце, стоящем на кухонном шкафу. Она гордилась своими несравненными познаниями, касающимися свойств овцепикских трав, – никто лучше ее не разбирался в многочисленных достоинствах смятки, попутника и клюкалки, – но бывали времена, когда для достижения желаемого эффекта ей приходилось прибегать к небольшому запасу задорого выменянных и заботливо сохраняемых лекарств из Заграницы (так, по мнению матушки, назывались все земли, находящиеся дальше чем в дне пути от Дурного Зада).

Она накрошила в кружку сухих красных листьев, добавила меда, залила все это водой и сунула получившееся питье в руки Эск. Положив под решетку камина большой круглый камень – позже он, завернутый в обрывок одеяла, станет грелкой – и строго-настрого заказав девочке вставать с кресла, матушка Ветровоск вышла в буфетную.

Эск барабанила пятками по ножкам качалки и потягивала напиток. У него был странный, перченый вкус. Она спросила себя, что это такое. Ей, разумеется, уже доводилось пробовать матушкины отвары и настои, вечно приправленные медом, количество которого, определяемое лично матушкой, зависело от того, притворяетесь ли вы или нет. Эск знала, что матушка известна на все Овцепикские горы благодаря специальным микстурам от болезней, о которых жена кузнеца – и время от времени другие молодые женщины – говорила только намеками, приподняв брови и понизив голос...

Когда матушка вернулась, Эск спала. Она не помнила, как ее укладывали в постель и как матушка закрывала окно на задвижку.

Ведьма вернулась на кухню и подтащила качалку поближе к огню.

«В голове девочки что-то есть, – сказала она себе. – Что-то таится там, внутри». Ей не хотелось думать, что именно, но она хорошо помнила, какая участь постигла волков. И все эти разговоры о разжигании огня с помощью волшебства... Так его разжигали волшебники, эту магию им преподавали на первом курсе Университета.

Матушка вздохнула. Удостовериться можно было только одним способом. Она начинала чувствовать себя слишком старой для подобных фокусов.

Взяв свечу, матушка прошла через буфетную в пристройку, где размещались ее козы. Находящиеся в своих стойлах три меховых шара равнодушно уставились на хозяйку. Три рта ритмично хрустели положенным рационом сена. Воздух был теплым и слегка пахивал кишечными газами.

Наверху, среди балок, сидела небольшая сова, одно из многочисленных существ, обнаруживших, что жизнь с матушкой вполне окупает испытываемые время от времени неудобства. Повинуясь зову матушки, сова слетела ей на руку, и старая ведьма, задумчиво поглаживая мягкие перышки, осмотрелась вокруг, ища куда бы прилечь. Ворох сена сойдет.

Она задула свечу и легла в сено; сова сидела у нее на пальце.

Козы жевали, рыгали и глотали, проводя за этим занятием уютную ночь. Лишь издаваемые ими звуки нарушали ночную тишину.

Тело матушки замерло. Сова почувствовала, как ведьма проникает в ее мозг, и вежливо подвинулась. Матушка еще пожалеет об этом перемещении; два Заимствования в один день – утром она будет совершенно разбита и одержима страстным желанием жрать мышей. Раньше, в молодые годы, ей это было нипочем – она бегала с оленями, охотилась с лисами, узнавала странные темные обычаи кротов и редко проводила ночь в собственном теле. Но с возрастом Заимствование давалось ей все труднее и труднее, особенно возвращение. Может быть, скоро наступит момент, когда она не сможет вернуться и оставшееся дома тело превратится в груды мертвой плоти... Хотя, честно говоря, это не такая уж плохая смерть.

Волшебникам подобные вещи знать не полагалось. Если волшебник и проникал в сознание другого существа, то делал это как вор – не из коварства, но потому, что ему, тупому болвану, просто не приходило в голову сделать это как-то иначе. Да и зачем волшебнику захватывать контроль над телом совы? Он же не умеет летать, этому надо учиться целую жизнь. Тогда как ненасильственный способ состоит в том, чтобы, вселившись в мозг птицы, направлять его так же мягко, как ветер шевелит листья.

Сова встрепенулась, взлетела на узкий подоконник и бесшумно выскользнула в ночь.

Облака уже разошлись, и в свете полупрозрачной луны заманчиво сверкали горы. Бесшумно скользя между рядами деревьев, матушка смотрела на мир совиными глазами. Когда этому научишься, только так и стоит путешествовать! Больше всего ей нравилось Заимствовать птиц, исследуя с их помощью укромные высокогорные долины, куда не ступала нога человека; потаенные озера между черными утесами; крошечные, обнесенные стенами поля на клочках ровной земли, примостившихся на отвесных скалистых склонах, – владения неприметных и скрытных существ. Однажды она путешествовала с гусями, пролетающими над горами каждую весну и осень, и до смерти перепугалась, когда обнаружила, что чуть было не вылетела за точку возврата.

Сова покинула лес, скользнула над деревенскими крышами и, подняв облако снега, приземлилась на самой большой, заросшей омелой яблоне в саду кузнеца.

Не успели ее когти коснуться ветки, как она поняла, что не ошиблась. Дерево отвергало ее, она чувствовала, как оно пытается столкнуть ее.

«Я не уйду», – подумала она.

«Ну давай, терроризируй меня, – в тишине ночи произнесло дерево. – Если я дерево, значит, можно, да? Вот она, типичная баба».

«По крайней мере, сейчас от тебя хоть какая-то польза есть, – в ответ подумала матушка. – Лучше быть деревом, чем волшебником, а?»

«Это не такая уж плохая жизнь, – заявило дерево. – Солнце. Свежий воздух. Время для раздумий. А весной – пчелы».

В том, как дерево промурлыкало «пчелы», было нечто столь сладострастное, что у матушки, содержавшей несколько ульев, пропало всякое желание есть мед. Она почувствовала себя так, как будто ей напомнили, что яйца – это нерожденные цыплята.

«Я здесь по поводу девочки, Эскарины», – прошипела она.

«Многообещающий ребенок, – подумало дерево. – Я с интересом слежу за ней. И она любит яблоки».

«Ах ты, свинья!» – воскликнула шокированная матушка.

«А что я такого сказал? Может, мне еще извиниться перед тобой за то, что я не дышу?»

Матушка придвинулась поближе к стволу.

«Ты должен отпустить ее, – приказала она. – Магия начинает просачиваться наружу».

«Уже? Я потрясен», – сказала дерево.

«Это неправильная магия! – выкрикнула матушка. – Это магия волшебников, не женская магия! Эск пока не знает, что это такое, но сегодня ночью ее магия убила дюжину волков!»

«Великолепно!» – откликнулось дерево.

Матушка заухала от ярости.

«Великолепно? Но что, если она поспорит со своими братьями и случайно выйдет из себя, а?»

Дерево пожало плечами. С его ветвей посыпались снежные хлопья.

«Тогда ты должна обучить ее».

«Обучить? Много я знаю о том, как учат волшебников!»

«Пошли ее в Университет».

«Она ведь женщина!» – заорала матушка, подпрыгивая вверх-вниз на своей ветке.

«Ну и что? Кто сказал, что женщинам не дано быть волшебниками?»

Матушка заколебалась. С тем же успехом дерево могло спросить, почему рыбам не дано быть птицами. Она сделала глубокий вдох и заговорила. Но тут же остановилась. Она знала, что должен существовать резкий, колкий, уничтожающий и, прежде всего, самоочевидный ответ. Вот только, к ее крайнему раздражению, он никак не приходил ей в голову.

«Женщины никогда не были волшебниками. Это против природы. Ты еще скажи, что мужчина может стать ведьмой».

«Если определять ведьму как человека, который поклоняется всесозидающему началу, то есть почитает основной...» – завело дерево и не затыкалось несколько минут.

Матушка Ветровоск с нетерпением и досадой слушала выражения типа «ряд Матерей-Богинь», «примитивный культ луны» – уж она-то знала, что такое быть ведьмой. Это травы, порча, ночные полеты по округе и верность традициям, но это никоим образом не связано с общением с богинями – будь они матерями или кем-то еще, – которые, судя по всему, способны на весьма сомнительные проделки. А когда дерево начало толковать о «танцах нагишом», матушка попыталась заткнуть перьями уши – пусть где-то под затейливыми наслоениями ее сорочек и юбок затерялось немного кожи, это еще не значит, что данное обстоятельство заслуживает ее одобрения.

Дерево закончило свой монолог.

Матушка подождала немножко, чтобы окончательно убедиться, что яблоня не собирается ничего добавить, и спросила:

«Это и есть ведьмовство, да?»

«Оно самое. Его теоретический базис».

«У вас, волшебников, бывают чудные идеи».

«Я больше не волшебник, а просто дерево».

Матушка встопорщила перья.

«А теперь послушай меня, господин Дерево Теоретический Базис. Если бы женщины рождались для того, чтобы стать волшебниками, они умели бы отращивать длинные седые бороды, она не будет волшебником, тебе это ясно, волшебство – это совершенно неправильный способ использования магии, это всего-навсего свет, огонь и баловство с Силами, ей это совершенно ни к чему, и спокойной тебе ночи».

Сова сорвалась с ветки. Матушка не тряслась от ярости только потому, что это мешало полету. Волшебники! Слишком много болтают, держат заклинания прищипленными в книгах, словно бабочек, но хуже всего то, что они считают, будто только их магия стоит того, чтобы ею заниматься.

Матушка была твердо уверена в одном. Женщины никогда не были волшебниками и не собираются становиться таковыми сейчас.

Под бледным светом уходящей ночи она вернулась в домик. Ее тело, поспав на сене, чувствовало себя отдохнувшим, и она надеялась посидеть несколько часов в кресле-качалке, чтобы привести в порядок свои мысли. Это было время, когда ночь еще не совсем закончилась, а день не совсем начался, – мысли были четкими, ясными, и ничто им не мешало. Она...

Посох стоял у стены, рядом с кухонным шкафом.

Матушка аж окаменела.

– Понятно, – сказала она наконец. – Так, значит, да? В моем собственном доме?

Она очень медленно подошла к очагу, бросила на угли пару поленьев и раздувала огонь до тех пор, пока языки пламени, взревев, не поднялись до самого дымохода.

Удовлетворенная исходом своих усилий, она повернулась, пробормотала на всякий случай несколько предохранительных заклятий и схватила посох. Он не сопротивлялся, и она едва удержалась, чтобы не упасть. Посох оказался у нее в руках, и она торжествующе расхохоталась, почувствовав, как он покалывает ей ладонь и как в нем потрескивает магия, словно воздух в грозу.

Проще простого! Видно, боевой дух посоха куда-то испарился.

Призывая проклятия на волшебников и все их творения, она занесла посох над головой и со стуком опустила в огонь, в самую жаркую часть пламени.

Эск вскрикнула. Звук пролетел сквозь пол спальни и серпом взрезал темный домик.

Матушка была старой, усталой женщиной и не совсем хорошо соображала после долгого и тяжелого дня, но, чтобы выжить, ведьма должна научиться делать поспешные и очень смелые выводы. Матушка еще смотрела на охваченный пламенем посох и прислушивалась к доносящимся сверху воплям, а ее руки уже тянулись к черному чайнику. Она опрокинула воду на огонь, выхватила из очага посох, над которым поднимались клубы пара, и взбежала по лестнице на второй этаж, с ужасом думая о том, что ей предстоит там увидеть.

Эск сидела на узкой кровати, целая и невредимая, но вопящая во все горло. Матушка прижала ее к себе и попыталась успокоить; она не знала точно, как это делается, однако рассеянное похлопывание по спине и неопределенные ободряющие звуки вроде достигли цели. Крики перешли в рыдания и в конце концов в тихие всхлипы. Матушка разобрала слова «огонь» и «горячо», и ее губы сжались в тонкую, горькую полоску.

Наконец она уложила девочку, укрыла ее одеялом и тихо, крадучись, спустилась по ступенькам.

Посох снова стоял у стены. Матушку ничуть не удивило то, что на нем не осталось ни подпалины.

Она развернула качалку к посоху и уселась, подперев подбородок ладонью. Весь ее вид выражал мрачную решимость.

Вскоре кресло начало само собой покачиваться. Его скрип был единственным звуком в тишине, которая сгущалась, растекалась и заполняла кухню, словно ужасающий темный туман.

Утром, перед тем как Эск проснулась, матушка спрятала посох в соломенной кровле – от греха подальше.

Эск позавтракала и выпила кружку козьего молока. События последних суток не оставили на ней ни следа. Она впервые провела в домике матушки больше времени, чем требуется для короткого визита вежливости. В общем, пока старая ведьма мыла посуду и доила коз, Эск постаралась максимально использовать подразумеваемое разрешение исследовать окрестности.

Вскоре она обнаружила, что жизнь в домике не так уж и проста. К примеру, существовала проблема козых имен.

– Но у них должны быть имена! – воскликнула она. – У всего есть имя.

Матушка посмотрела на нее из-за округлого, грушевидного бока старшей козы и выдавила в невысокое ведерко тонкую струйку молока.

– Ну, наверное, на козьем языке у них есть имена, – неопределенно пробурчала она. – Но к чему им имена на человеческом?

– Видишь ли... – начала Эск, запнулась и, подумав какое-то время, спросила: – А как тогда ты заставляешь их делать то, что тебе от них требуется?

– Они просто делают это, а когда я им нужна, они орут.

Эск с серьезным видом протянула старшей козе клок сена. Матушка следила за ней задумчивым взглядом. У коз действительно имелись имена друг для друга, и она прекрасно это знала. Имена были самые разные: «коза-мой-ребенок», «коза-вожак-стада», «коза-моя-мать» и полдюжины других, не последним из которых было «коза-которая-стоит-здесь». Еще козы славилась сложной иерархией внутри стада, четырьмя желудками и пищеварительной системой, которая деловито урчала всякую спокойную ночь. Матушке всегда казалось, что называть все это, например, Ромашкой значит оскорблять благородное животное.

– Эск, – решившись, позвала она.

– Да?

– А кем бы ты хотела стать, когда вырастешь?

На лице Эск отразилось недоумение.

– Не знаю.

– Ну, – сказала матушка, не переставая доить, – как по-твоему, что ты будешь делать, когда вырастешь?

– Не знаю. Наверное, замуж выйду.

– А ты хочешь?

Губы Эск начали было произносить «не з...», но она поймала матушкин взгляд, остановилась и немножко подумала.

– Все взрослые, ну, из наших знакомых, вышли замуж или женились, – ответила она наконец, подумала еще и осторожно добавила: – Кроме тебя, конечно.

– Это правда, – отозвалась матушка.

– Ты что, не хотела выходить замуж?

Теперь настала матушкина очередь задуматься.

– Руки как-то не дошли, – выдавила она в конце концов. – Понимаешь, слишком много других дел.

– Папа говорит, ты ведьма, – рискнула Эск.

– Правильно говорит.

Эск кивнула. Ведьмы в Овцепикских горах обладали статусом, подобным тому, какой в других культурах придавался монашкам, сборщикам налогов и ассенизаторам. Ну, то есть их

уважали, иногда ими восхищались, в общем и целом им рукоплескали за то, что они делают дело, которое, если мыслить логически, должно быть сделано, но всем было слегка неуютно в их присутствии.

– А тебе хотелось бы выучиться и стать ведьмой? – спросила матушка.

– Ты имеешь в виду магию? – глаза Эск вспыхнули.

– Да, магию. Но не огненную. Настоящую магию.

– А ты умеешь летать?

– Есть вещи и получше полетов.

– И я смогу им научиться?

– Если твои родители позволят.

– Отец – нет, – вздохнула Эск.

– Я с ним поговорю, – пообещала матушка.

– А теперь послушай меня, Гордо Смит!

Кузнец попятился вглубь кузницы, защищаясь от матушкиного гнева поднятыми руками. Она наступала на него, возмущенно потрясая в воздухе пальцем.

– Я помогла тебе появиться на свет, болван ты этакий, и сейчас у тебя не больше ума, чем было тогда...

– Но... – попробовал возразить кузнец, отскакивая за наковальню.

– Магия нашла ее! Магия волшебников! *Неправильная* магия, ты понял? Эта магия не для Эск!

– Да, но...

– Ты хоть представляешь, что она может натворить?

Кузнец обмяк.

– Нет.

Матушка на секунду умолкла и понизила голос.

– Конечно нет, – уже мягче повторила она. – Где тебе...

Она уселась на наковальню и попыталась успокоиться.

– Послушай, магия обладает чем-то вроде собственной жизни. Это не имеет значения, потому что... во всяком случае, магия волшебников... – Она посмотрела на его лицо, на котором было написано полное недоумение, и предприняла еще одну попытку: – Ну, ты знаешь, что такое сидр?

Кузнец кивнул. В этом вопросе он чувствовал себя более уверенно, но не совсем представлял, куда это сравнение может завести.

– Но есть еще спиртное. Яблочное бренди, к примеру, – продолжала ведьма.

Кузнец снова кивнул. Зимой в Дурном Заду все гнали яблочное бренди, выставляя бочки с сидром на ночь на улицу и вынимая лед, пока на самом доньшке не оставалось некоторое количество очень крепкого напитка.

– В общем, сидра ты можешь выпить много, и тебе от этого ничего не будет, так?

Кузнец опять кивнул.

– Но бренди ты пьешь маленькими стаканчиками, понемногу и достаточно редко, потому что оно шибает прямо в голову...

Кузнец кивнул еще раз, а потом, осознав, что его вклад в беседу совсем невелик, добавил:

– Правильно.

– Вот в этом-то и состоит разница, – заключила матушка.

– Какая разница?

Матушка вздохнула.

– Разница между магией ведьм и магией волшебников. И эта магия нашла Эск. Если Эск не сумеет подчинить ее себе, девочка пропадет. Магия может стать чем-то вроде двери, а по другую сторону этой двери нас ждут весьма неприятные Твари. Понял?

Кузнец кивнул. На самом деле он ничего не понял, но правильно предположил, что, если он признается в этом, матушка начнет углубляться в ужасные подробности.

– У Эск сильная воля, – продолжила старая ведьма. – Но рано или поздно ей будет брошен вызов.

Кузнец взял с лавки молот, посмотрел на него так, словно никогда не видел раньше, и положил обратно.

– Если Эск обладает магией волшебников, то учеба на ведьму не принесет ей никакой пользы. Ты сама сказала, что это разные вещи.

– И то и другое суть магия. Если ты не можешь научиться ездить на слоне, ты по крайней мере можешь научиться скакать на лошади.

– А что такое слон?

– Нечто вроде барсука, – ответила матушка.

Вот уже в течение сорока лет она держала звание эксперта по вопросам леса и еще ни разу не призналась в невежестве.

Кузнец вздохнул. Он знал, что потерпел поражение. Его жена ясно дала ему понять, что она одобряет матушкину идею, и сейчас, подумав хорошенько, он тоже обнаружил некоторые преимущества в создавшемся положении. В конце концов, матушка не вечна, а быть отцом единственной ведьмы в округе весьма престижно.

– Ладно, – кивнул он.

Зима сделала поворот и начала медленно ползти к весне. Большую часть своего времени Эск проводила у матушки Ветровоск, обучаясь ведьмовской науке.

Похоже, эта наука состояла в основном из вещей, которые нужно было запоминать.

Теория сопровождалась практикой, которая включала в себя мытье кухонного стола и основы траволечения, уборку навоза у коз и применение грибов, стирку и вызывание Мелких Богов. Одним из основных предметов был уход за большим медным перегонным кубом в буфетной и навыки перегонки. К тому времени, как подули теплые краевые ветра и снег остался лишь в виде маленьких полосок слякоти с пуповой стороны деревьев, Эск уже знала, как приготовить целый ряд растираний, несколько видов бренди, применяемого в медицинских целях, пару десятков специальных настоев и несколько таинственных отваров, назначение которых, по словам матушки, ей предстояло узнать в свое время.

Чем она совсем не занималась, так это магией.

– Всему свое время, – неопределенно повторяла матушка.

– Но ведь предполагается, что я ведьма!

– Ты еще не ведьма. Назови мне травы, полезные для кишечника.

Эск заложила руки за спину, зажмурилась и отбарабанила:

– Цветущие верхушки крысиного горошка, сердцевина корня львиного зада, стебли графинки, стручки...

– Хорошо. Где растут водяные огурцы?

– На торфяных болотах и в застоявшихся прудах, в месяц...

– Прекрасно. Ты делаешь успехи.

– Но это не магия.

Матушка уселась на кухонный стол.

– По большей части магия – это вообще не магия. Нужно просто узнать соответствующие травы, научиться наблюдать за погодой, познакомиться с повадками животных. И с повадками людей тоже.

– И все? – в ужасе воскликнула Эск.

– *Все?* Довольно большое «все», – хмыкнула матушка. – Но нет, это не *все*. Есть еще кое-что.

– А ты можешь меня научить?

– Всему свое время. Пока тебе лучше не вылезать.

– Не вылезать? Откуда?

Взгляд матушки метнулся к тням, скопившимся в углах кухни.

– Неважно.

Вскоре последние сохранившиеся клочки снега исчезли, и в горах забушевали весенние грозы. Воздух в лесу наполнился запахом перепревших листьев и скипидара. Несколько ранних цветков бросили вызов ночным заморозкам, и из ульев вылетели пчелы.

– Вот пчелы, – сказала матушка Ветровоск, – это настоящая магия.

Она осторожно приподняла крышку первого улья и продолжила:

– Пчелы – они тебе и мед, и воск, и пчелиный клей, и маточное молочко. Замечательные существа, эти пчелы. Кроме того, ими правит королева, – с оттенком одобрения в голосе добавила она.

– А они тебя не кусают? – поинтересовалась Эск, отступая.

Клубящаяся масса пчел выплеснулась из сот и растеклась по грубым деревянным стенкам улья.

– Очень редко, – ответила матушка. – Ты хотела магии? Смотри.

Она сунула руку в гущу копошащихся насекомых и издала горлом пронзительный, слегка жужжащий звук. Пчелы зашевелились, и одна из них, длиннее и толще всех остальных, забралась к ней на ладонь. За маткой последовали несколько рабочих пчел, которые поглаживали ее и по-всякому за ней ухаживали.

– Как это у тебя получилось? – полюбопытствовала Эск.

– А-а, – отозвалась матушка. – Хочешь знать?

– Да. Хочу. Именно поэтому я и спросила, матушка, – строго ответила Эск.

– По-твоему, я воспользовалась магией?

Эск посмотрела на пчелиную матку и подняла глаза на ведьму.

– Нет. По-моему, ты просто хорошо знаешь пчел.

Матушка ухмыльнулась.

– Совершенно верно. И это одна из форм магии.

– Что-то знать?

– Знать то, что другие *не знают*, – поправила матушка, заботливо вернула королеву поданным, закрыла крышку улья и добавила: – И мне кажется, тебе пора познакомиться с парой-другой секретов.

«Наконец-то», – подумала Эск.

– Но сначала мы должны засвидетельствовать уважение улью, – предупредила матушка, причем последнее слово ей удалось произнести с большой буквы «У».

Эск, не подумав, сделала реверанс.

Матушка вlepила ей затрещину и беззлобно заметила:

– Надо кланяться. Ведьмы кланяются.

Она продемонстрировала.

– Но почему? – жалобно провыла Эск.

– Потому что ведьмы должны отличаться от других, и это часть нашего секрета, – ответила матушка.

Они сидели на выбеленной солнцем лавке с краевой стороны домика. Перед ними колышались Травы, достигающие уже фута в высоту, – зловещая коллекция бледно-зеленых листьев.

– Ну ладно, – сказала матушка, устраиваясь поудобнее. – Помнишь ту шляпу, что висит на крючке у двери? Пойди принеси ее.

Эск послушно прошла в домик и сняла с крючка матушкину шляпу, которая была высокой, остроконечной и, разумеется, черной.

Матушка перевернула шляпу и внимательно осмотрела ее.

– Внутри этой шляпы, – торжественно объявила она, – скрыт один из секретов ведьмовства. После того как девушка узнает этот секрет, назад пути нет. Что ты можешь сказать об этой шляпе?

– Можно я ее подержу?

– Сколько угодно.

Эск заглянула в шляпу. Она увидела проволочный каркас, который придавал шляпе форму, пару шпилек. И все.

Шляпа ничем не выделялась, если не считать того, что другой такой в деревне не было. Но это не делало ее магической. Эск закусила губу, и ей представилось, как ее с позором отправляют домой.

На ощупь шляпа была самой обычной, и потайные карманы в ней отсутствовали. Это была типичная ведьмовская шляпа. Матушка всегда надевала ее, направляясь в деревню, однако в лесу носила обыкновенный кожаный колпак.

Эск попыталась припомнить то, чему неохотно, скрепя сердце учила ее матушка. «Дело не в том, что знаешь ты, но в том, чего не знают другие. Магия бывает подходящей в неподходящем месте, а бывает – неподходящей в подходящем. Она может быть...»

Направляясь в деревню, матушка *всегда* надевала шляпу. И просторный черный плащ, который уж точно не был магическим, потому что большую часть зимы служил покрывалом для коз, и весной, как правило, матушка его стирала.

В мозгу у Эск начал вырисовываться ответ, и ответ этот ей очень не понравился. Он был похож на многие матушкины ответы. Словесный фокус. Матушка говорила то, что вы все время знали, но говорила по-другому, так что изречаемые ею слова обретали огромную важность.

– Кажется, я догадалась, – произнесла Эск.

– Выкладывай.

– Секрет состоит вроде как из двух частей.

– Ну?

– Это ведьмовская шляпа, потому что ты ее носишь. Но ты – ведьма, потому что носишь эту шляпу. Гм-м.

– И... – подбодрила матушка.

– И, увидев тебя в шляпе и плаще, люди сразу понимают, что ты ведьма. Поэтому твоя магия действует, – закончила Эск.

– Правильно, – похвалила ее матушка. – Это называется головология.

Она похлопала по своим серебристым волосам, которые были стянуты в такой тугой узел, что им можно было колоть камни.

– Но это все не всамделишное, – запротестовала Эск. – Это не магия, а... а...

– Слушай, – перебила матушка. – Красная настойка от газов, которую ты прописываешь больному, может, конечно, подействовать, но, если ты хочешь, чтобы она лечила наверняка, сделай так, чтобы мозг больного *заставил* ее подействовать. Скажи, что это лучи лунного солнца, растворенные в колдовском вине, или что-нибудь вроде. Побормочи над бутылочкой. И с порчей то же самое.

– С порчей? – слабо переспросила Эск.

– Да, девочка, с порчей, и нечего смотреть на меня такими шокированными глазками. Нужда тебя заставит, ты будешь наводить порчу. Когда останешься одна, а рядом не окажется никого, кто мог бы помочь, и... – Она заколебалась и, смешавшись под вопрошающим взглядом Эск, неловко закончила: – ...И когда люди не будут выказывать тебе уважение. Проклинай их

громко, проклиная запутанно, проклиная долго и проклиная всем, чем заблагорассудится. Это сработает. На следующий день, когда они стукнут себя по пальцу, свалятся с лестницы или у них сдохнет собака, о тебе сразу вспомнят. И в следующий раз будут вести себя лучше.

– Но это все равно не похоже на магию, – пожаловалась Эск, ковыряя ногой землю.

– Однажды я спасла человеку жизнь, – поведала матушка. – Специальное лекарство, принимать два раза в день. Кипяченая вода с добавлением ягодного сока. Я сказала, что купила настойку у гномов. Вот в чем заключается основная часть лечения. Большинство людей легко справится с любой болезнью, главное – поставить цель. Тебе же нужно лишь подтолкнуть их к этому.

Она как можно более ласково похлопала Эск по руке и добавила:

– Ты еще молода для таких вещей, но когда станешь старше, то поймешь, что многие люди практически не выходят за пределы своих голов. И ты тоже, – лаконично заключила она.

– Не понимаю.

– Я бы очень удивилась, если бы ты поняла, – быстро откликнулась матушка, – но ты можешь назвать мне пять трав, помогающих от сухого кашля.

Весна разворачивалась всерьез. Матушка начала брать Эск с собой на долгие, занимающие весь день прогулки к потаенным прудам или на холмы, к каменистым осыпям, где росли редкие травы. Эск нравилось бывать высоко в горах, солнце там припекало, но воздух оставался пронизывающе холодным. Трава росла здесь густо и жалась к земле. С высоких пиков открывался вид на Диск вплоть до Краевого океана, опоясывающего Плоский мир. В другом направлении вдаль уходили Овцепикские горы, окутанные вечной зимой. Они тянулись до самого Пула Диска, где, по всеобщему и единодушному мнению, на вершине десятимильного шпиля из камня и льда жили боги.

– Боги – нормальные ребята, – отметила матушка, пока они с Эск перекусывали и наслаждались видом. – Не беспокой богов, и боги не будут беспокоить тебя.

– Ты знаешь многих богов?

– Несколько раз я видела богов грома, – ответила матушка, – ну и, разумеется, Хоки.

– Хоки?

Матушка пережевывала бутерброд, с которого была срезана корка.

– О, Хоки – бог природы. Иногда он предстает в виде дуба, иногда – в виде получеловека-полукозла, но в основном я вижу его в образе сущего наказания. И его можно найти только в самой чаше. Он играет на флейте. Честно сказать, очень плохо играет.

Эск лежала на животе и смотрела на раскинувшуюся внизу долину. Вокруг гудели несколько крепких, закаленных шмелей, патрулирующих по собственной инициативе кисти тимьяна. Солнце пригревало ей спину, но здесь, наверху, с пуповой стороны камней еще лежал снег.

– Расскажи мне о землях на равнине, – лениво попросила она.

Матушка неодобрительно покосилась на пейзаж, растянувшийся на десять тысяч миль.

– Это просто другие места. Такие же, как здесь, только в чем-то отличные.

– А там есть города и все такое прочее?

– Наверное.

– Неужели ты никогда не спускалась посмотреть на них?

Матушка откинулась назад, аккуратно расправила юбку, подставляя солнцу несколько дюймов почтенного фланелета, и погрузилась в тепло, ласкающее старые кости.

– Нет, – ответила она. – Мне и здесь хватает неприятностей, чтобы еще ездить за ними в Заграницу.

– Мне однажды приснился город, – призналась Эск. – В нем жили сотни людей, там было такое здание с большими воротами, с магическими воротами...

У нее за спиной послышался звук, похожий на треск рвущейся ткани. Матушка заснула.

– Матушка?

– М-м-пф.

– Ты обещала, что, когда придет время, покажешь мне настоящую магию, – сказала Эск. – По-моему, время уже пришло.

– М-м-пф.

Матушка Ветровоск открыла глаза и уставилась в небо. Здесь, наверху, оно было темнее – скорее пурпурное, чем голубое. «Почему бы и нет? – подумала она. – Эск быстро схватывает. Она знает о травах больше, чем я. В ее годы, обучаясь у старой мамы Суматохи, я только и делала, что Заимствовала, Перемещалась и Передавала. Может, я чересчур осторожна?»

– Ну покажи, хотя бы чуточку, – взмолилась Эск.

Матушка поразмыслила над ее просьбой и не смогла придумать никаких отговорок. «Я еще пожалею об этом», – сказала она себе, проявляя незаурядные способности к предвидению. Вслух же она коротко произнесла:

– Хорошо.

– Это будет настоящая магия? – поинтересовалась Эск. – Никаких трав и головологии?

– Да, настоящая магия, как ты это называешь.

– Заклинание?

– Нет. Заимствование.

Лицо Эск было само ожидание. В глазах девочки светился неподдельный интерес.

Матушка оглядела простирающиеся внизу долины и наконец нашла то, что искала. Над далеким, затянутым голубой дымкой клочком леса лениво кружил серый орел. В настоящий момент его сознание пребывало в полном покое. Оно подойдет как нельзя лучше.

Ведьма мягко позвала птицу, и та начала поворачивать в их сторону.

– Первое правило Заимствования: тебе должно быть удобно и ты должна находиться в безопасном месте, – сказала матушка, разглаживая траву у себя за спиной. – Лучше всего в кровати.

– Но что такое Заимствование?

– Ляг и возьми меня за руку. Видишь там, внизу, орла?

Эск, прищурившись, взглядела в темное, жаркое небо.

Там было... РАЗВОРАЧИВАЯСЬ В ПОТОКЕ ВОЗДУХА, ОНА УВИДЕЛА ВНИЗУ, НА ТРАВЕ, ДВЕ КРОХОТНЫЕ, КУКОЛЬНЫЕ ФИГУРКИ.

Она чувствовала, как хлещет и пружинит о ее перья ветер. Поскольку орел не охотился, а просто наслаждался ощущением солнца на своих крыльях, раскинувшаяся внизу земля была для него всего лишь ничего не значащим контуром. Но воздух, воздух был сложной, постоянно меняющейся трехмерной *вещью*, переплетающимся узором из уходящих вдаль спиралей и кривых – отображением течений, возникающих вокруг столбов теплого воздуха. Она...

...Почувствовала удерживающий ее мягкий нажим.

– Следующее правило, которое обязательно следует запомнить, – раздался рядом голос матушки. – Никогда не заставляй хозяина нервничать. Если ты дашь ему понять, что ты здесь, он либо начнет с тобой бороться, либо впадет в панику. В обоих случаях у тебя нет ни единого шанса. Он был орлом всю свою жизнь, а ты – нет.

Эск ничего не ответила.

– Ты случаем не испугалась? – уточнила матушка. – В первый раз это может напугать и...

– Я не испугалась, – сказала Эск и прибавила: – А как им управлять?

– Никак. Пока. Научиться управлять подлинно диким существом не так-то просто. Тебе нужно... вроде как *намекнуть* ему, что он расположен сделать то или это. С прирученными животными все обстоит проще. Но ни одно существо нельзя заставить сделать то, что противно его природе. А теперь попробуй нащупать сознание орла.

Эск ощущала матушку как размытое серебристое облачко в глубине собственного разума. После непродолжительных поисков она обнаружила сознание птицы. Еще немного – и она бы его не заметила. Сознание орла было маленьким, острым и пурпурным. Оно не обращало на нее никакого внимания, полностью сосредоточившись на полете.

– Отлично, – одобрительно заметила матушка. – Не будем улетать слишком далеко. Если ты хочешь, чтобы он повернул, ты должна...

– Да, да, – отозвалась Эск.

Она сжала и разжала пальцы – где бы эти пальцы сейчас ни находились, – и орел, встретив грудью ветер, сделал поворот.

– Прекрасно, – промямлила оторопевшая матушка. – Как это у тебя получилось?

– Не знаю. Я просто сделала это, вот и все.

– Гм-м.

Матушка осторожно проверила крошечное сознание орла. Птица по-прежнему не имела ни малейшего понятия о своих пассажирах. Это произвело на матушку огромное впечатление, что случалось крайне редко.

Они парили над горой, а Эск тем временем восхищенно исследовала чувства орла. Матушкин голос монотонно гудел у нее в мозгу, бормоча инструкции, наставления и предупреждения. Эск прислушивалась к нему вполуха. Все это казалось ей слишком запутанным. Почему она не может захватить власть над сознанием орла? Птице это не повредит.

Эск отчетливо видела, что нужно для этого сделать. Тут требовалась элементарная сновка, как при щелчке пальцами, – который Эск так и не удалось освоить, – и тогда она сможет сама прочувствовать, что такое полет, ей не придется пользоваться сведениями из вторых рук, а точнее крыльев.

Она...

– Не делай этого, – спокойно предупредила матушка. – Ничего хорошего не получится.

– Что?

– Девочка моя, неужели ты взаправду думаешь, будто ты первая? Думаешь, остальным не приходила в голову мысль, как чудесно было бы переселиться в другое тело и ходить по воздуху или дышать водой? Неужто ты действительно считаешь, что это легко?

Эск бросила на нее свирепый взгляд.

– И нечего так на меня смотреть, – сказала матушка. – В один прекрасный день ты еще поблаговаришь меня за предупреждение. Не впутывайся в авантюры, пока не узнаешь, с чем имеешь дело. Прежде чем приниматься за подобные фокусы, ты должна уяснить, какие действия необходимо предпринять, если что-то пойдет не так. Не пытайся ходить раньше, чем научишься бегать. То есть наоборот.

– Я *чувствую*, как это можно сделать, матушка.

– Вполне возможно. Но Заимствовать – труднее, чем кажется. Хотя, не отрицаю, у тебя есть определенные способности. Но на сегодня достаточно. Задержи нас над нами, и я покажу тебе, как Возвращаться.

Орел застыл в воздухе над двумя распростертыми телами, и мысленным взором Эск увидела два открывшихся перед ними канала. Контур сознания матушки исчез.

А теперь...

Матушка ошибалась. Сознание орла практически не сопротивлялось, и у него не осталось времени, чтобы запаниковать. Эск обволокла его, и оно, поизвивавшись мгновение, растворилось в ней.

Матушка открыла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как орел с хриплым торжествующим клекотом закладывает вираж над поросшей травой каменистой осыпью и, скользя вдоль горного склона, уносится прочь. Он постепенно превратился в точку, а затем и вовсе пропал, оставив за собой лишь эхо еще одного клекота.

Матушка посмотрела на бесчувственное тельце девочки. Эск практически ничего не весила, но до дома было далеко, а день уже клонился к вечеру.

– Проклятье, – без особого выражения сказала старая ведьма.

Поднявшись на ноги, она отряхнулась и, крикнув от натуги, взвалила безвольное тело Эск себе на плечи.

В хрустальном предзакатном небе над горами орел-Эск все набирал и набирал высоту, опьяненный энергией полета.

По дороге домой матушка повстречалась с голодным медведем. Ее мучил ревматизм, и она была не в том настроении, чтобы спокойно выслушивать чей-то рык. Она пробормотала несколько слов, и медведь, к своему кратковременному удивлению, со всего размаха неожиданно налетел на дерево и пришел в сознание лишь спустя несколько часов.

Войдя в домик, матушка положила тело Эск на кровать и развела огонь, после чего загнала коз в хлев, подоила их и закончила остальные домашние дела, которые были назначены у нее на этот вечер.

Напоследок она убедилась, что все окна открыты, а когда начало темнеть, зажгла фонарь и поставила его на подоконник.

Как правило, чтобы выспаться, матушке хватало нескольких часов крепкого сна, поэтому в полночь она проснулась. Комната не изменилась, хотя у фонаря появилась собственная солнечная система, состоящая из глупых мошек.

Второй раз матушка пробудилась от дремы уже на рассвете и обнаружила, что свеча давным-давно догорела, а Эск по-прежнему спит непробудным сном Заимствующего.

Выводя коз в загон, матушка пристально всматривалась в небо.

Наступил полдень, и вот еще из одного дня начал уходить свет. Матушка беспечно расхаживала взад-вперед по кухне. Время от времени она лихорадочно бросалась делать что-нибудь по хозяйству: из трещин между покрывающими пол плитками бесцеремонно извлекалась древняя засохшая грязь, а задняя стенка камина очищалась от скопившейся за зиму сажи и чуть ли не до дыр натиралась графитом. Мыши, гнездившиеся в глубине кухонного шкафа, были вежливо, но твердо выселены в козий хлев.

Солнце клонилось к закату.

Свет Плоского мира был старым, медлительным и тяжеловесным. Стоя в дверях домика, матушка наблюдала за тем, как свет стекает с гор, разливаясь по лесу золотыми реками. То тут, то там он собирался во впадинах, образуя лужи, постепенно бледнел и исчезал.

Матушка выстукивала по косяку резкую дробь и мурлыкала под нос какой-то незамысловатый, хмурый мотивчик.

Наступил рассвет, а в домике было пусто, если не считать тела Эск, которое безмолвно и неподвижно лежало на кровати.

По мере того как золотистый свет растекался по Диску, словно первые волны прибою, затопляющего илистую отмель, орел кругами поднимался все выше и выше к куполу небес, толкая под себя воздух медленными взмахами могучих крыльев.

Под Эск расстился весь мир – все континенты, все острова, все реки и, самое главное, все огромное кольцо Краевого океана.

Помимо этого, здесь, наверху, не было ничего, даже звука.

Эск с восторгом купалась в своих ощущениях, заставляя слабеющие мускулы прилагать все больше усилий. Однако что-то было не так. Ее мысли, такое впечатление, убегали из-под ее контроля и исчезали. В ее разум впивались боль, возбуждение, усталость, и в то же самое время из него что-то вытекало. Воспоминания растворялись на ветру. Как только Эск удавалось ухватиться за какую-нибудь мысль, та мигом испарялась, оставляя за собой пустоту.

Эск теряла куски себя и не могла припомнить, что именно теряет. Она запаниковала, ища укрытия в том, в чем была твердо уверена...

«Я – Эск, я украла тело орла, и ОЩУЩЕНИЕ ВЕТРА В ПЕРЬЯХ, ГОЛОД, ПОИСКИ В НЕ-НЕБЕ ВНИЗУ...»

Она попробовала еще раз. «Я – Эск и ИЩУ ВОЗДУШНУЮ ТРОПУ; НОЮЩИЕ МУСКУЛЫ, РЕЖУЩИЙ ВЕТЕР, ЕГО ХОЛОД...»

«Я – Эск ВЫСОКО НАД ВОЗДУШНО-ВЛАЖНО-МОКРО-БЕЛЫМ, НАД ВСЕМ, НЕБО ПРОЗРАЧНО, ВОЗДУХ РАЗРЕЖЕН...»

«Я – ЭТО Я».

Матушка была в саду, среди ульев, и ранний утренний ветер трепал ее юбку. Она переходила от одного улья к другому, стуча по их крышам. Встав посреди густо разросшихся бурачника и бальзамника, посаженных специально для пчел, она вытянула перед собой руки и запела настолько высоким голосом, что ни один обычный человек не смог бы ее услышать.

Из ульев послышался гул, и вдруг воздух заполнился тяжелыми, глазастыми, низкоголосыми пчелами. Они кружили над ее головой, смешивая басовитое жужжание с песней.

Потом они исчезли, взмыли в разгорающийся над поляной свет и разлетелись над деревьями.

Хорошо известно (по крайней мере – ведьмам), что каждая колония пчел составляет, так сказать, лишь часть существа, которое зовется Рой, а отдельные пчелы – это клетки, обрабатывающие сознание улья. Матушка редко смешивала свои мысли с мыслями пчел – не только потому, что сознание насекомых это странная, чужеродная штука, на вкус отдающая жестью, но и потому, что, как она подозревала, Рой был гораздо умнее ее.

Она знала, что ее посланцы скоро достигнут колоний, устроенных дикими пчелами в лесной чаще. Не пройдет и нескольких часов, как каждый уголок горных лугов окажется под пристальным наблюдением. Ей оставалось только ждать.

В полдень пчелы вернулись, и в резких, едких мыслях, текущих в сознании улья, она прочла, что Эск пропала как не было. Ни следа.

Матушка Ветровоск вернулась в прохладу домика и, усевшись в качалку, уставилась на дверной проем.

Она знала, каким должен быть следующий шаг, но ей была ненавистна сама мысль об этом. Однако она все-таки принесла невысокую приставную лесенку, взобралась по скрипучим ступенькам на крышу и вытащила из потайного места в соломенной кровле посох.

Он был холодным как лед. Над ним поднимался пар.

– Значит, над линией снегов, – заключила матушка.

Она опустила на колени, воткнула посох в клумбу и уставилась на него свирепым взглядом. У нее появилось неприятное ощущение, что посох так же свирепо смотрит на нее в ответ.

– И не думай, что ты победил, ибо это не так, – бросила она. – Просто у меня нет времени возиться с тобой. Ты должен знать, где она. Я требую, чтобы ты отнес меня к ней!

Посох смотрел на нее деревянным взглядом.

– Силой... – Матушка замялась: она слегка подзабыла положенные формулы. – Силой дерева и камня я приказываю тебе!

Суэта, движение, оживление – все эти слова были бы совершенно неверным описанием реакции посоха.

Матушка почесала подбородок. Ей припомнился урок, который заучивают все дети: «А волшебное слово?»

– Пожалуйста? – намекнула она.

Посох задрожал, приподнялся над землей и, повернувшись в воздухе, приглашающе завис на уровне матушкиной талии.

Матушка слышала, что среди молодых ведьм метлы снова вошли в моду, но она полетов не одобряла. Невозможно выглядеть респектабельно, когда несешься верхом на предмете домашнего обихода. Кроме того, в таком способе передвижения полным-полно сквозняков.

Но сейчас о респектабельности речи не шло. Матушка, задержавшись, чтобы сорвать с крючка за дверью шляпу, торопливо забралась на посох, устроилась на нем как можно более удобно – боком, разумеется, и крепко зажав юбки между коленей, – и сказала:

– Ну ладно, а теперь что-о-о...

Животные в лесу срывались с места и разбегались в стороны, узрев над своими головами быстро несущуюся, вопящую и сыплющую проклятиями тень. Матушка цеплялась за посох побелевшими от напряжения пальцами и неистово дрыгала тощими ногами, постигая высоко над верхушками деревьев важную науку о центре тяжести и турбулентных потоках. Посох летел вперед, совершенно игнорируя ее вопли.

К тому времени, как он добрался до горных лугов, она несколько освоилась. Это означало, что матушка научилась кое-как держаться. Нужно лишь цепляться покрепче руками и коленями – при условии, что вы не возражаете против того, чтобы висеть вверх ногами. Слава богам, хоть матушкина шляпа приносила какую-то пользу своей аэродинамической формой.

Посох несясь между черными утесами и вдоль голых высокогорных долин, по которым, как говорили, когда-то давно, во времена Ледяных Великанов, текли реки льда. Воздух, врывающийся в матушкино горло, стал разреженным и морозным.

Над одним из сугробов они резко остановились. Матушка свалилась с посоха и осталась лежать в снегу, тяжело дыша и пытаясь припомнить, как это она отважилась пройти через такое.

В нескольких футах от нее, под нависшим козырьком снега, темнел комок перьев. При ее приближении птичья голова рывком поднялась, и орел уставился на ведьму свирепыми, полными страха глазами. Он попытался взлететь, но опрокинулся на спину, однако, когда матушка протянула руку и попробовала прикоснуться к нему, не преминул вырвать из ее ладони аккуратный треугольник мяса.

– Понятно, – негромко, ни к кому не обращаясь, процедила матушка.

Оглянувшись, она отыскала подходящего размера валун, из приличия скрылась за ним на пару секунд и появилась снова с одной из нижних юбок в руках. Орел вырывался, уничтожая вышивку, на которую было потрачено несколько недель упорного труда, но матушке удалось-таки спеленать его, и она, держа птицу так, чтобы не пострадать от периодических выпадов острого клюва, повернулась к посоху, который стоял воткнутом в сугроб.

– Обратно я пойду пешком, – холодно заявила она.

Как оказалось, это была маленькая горная долина, заканчивающаяся крутым обрывом. Несколькими сотнями футов ниже виднелись острые черные скалы.

– Что ж, хорошо, – уступила матушка, – но ты полетишь медленно, понял? И не смей высоко подниматься.

На самом деле, поскольку теперь у нее было немного больше опыта – и, возможно, потому, что посох тоже летел осторожнее, – возвращение домой было почти степенным. Еще немного – и матушка убедила бы себя в том, что с течением времени могла бы научиться всего-навсего не любить полеты, вместо того чтобы питать к ним неизбывное отвращение. Ей всего лишь нужно было научиться не давать себе смотреть вниз.

Распластав крылья, орел сидел на тряпичном коврикe у потухшего очага. Он попил воды, над которой матушка пробормотала несколько заклинаний (обычно она применяла их для того, чтобы произвести впечатление на клиентов, но кто знает, может, и есть в них какая-то сила?), и проглотил пару кусков сырого мяса.

Чего он не сделал, так это не проявил ни одного признака разумности.

Матушка начала сомневаться, та ли это птица. Рискую получить еще один удар клювом, она пристально вгляделась в злые оранжевые глаза и попыталась убедить себя в том, что в самой-самой их глубине почти незаметно сверкает странная искорка.

Матушка пошарила у орла в голове. Его сознание, как и следовало ожидать, было на месте, четкое и резкое, но там же присутствовало кое-что другое. Сознание, разумеется, не имеет цвета, но тем не менее пряди орлиного сознания выглядели пурпурными. Вокруг них вились и переплетались тонкие серебристые нити.

Эск слишком поздно поняла, что тело формируется сознанием, что Заимствование – это одно, а в мечте о том, чтобы на самом деле вселиться в чужое тело, изначально заложено наказание.

Матушка уселась в кресло и начала раскачиваться. Она зашла в тупик и знала это. Распутать два сплетенных сознания не под силу ни ей, ни кому бы то ни было в Овцепикских горах...

Она ничего не слышала, но, может, текстура воздуха слегка изменилась. Она посмотрела на посох, которому было позволено вернуться в дом, и твердо заявила:

– Нет.

И тут же подумала: «А кому это я сказала? Себе? В нем есть сила, но мне она не по душе. Однако другой силы поблизости нет. А я все равно опоздала. Хотя, может, и успевать было некуда?»

Она снова проникла в голову орла, чтобы успокоить его страхи и развеять панику. Он позволил ей взять его и неуклюже уселся у нее на запястье, так крепко сжав руку когтями, что из-под них проступила кровь.

Матушка схватила посох и поковыляла наверх, туда, где в спальне с низким потолком на узкой кровати лежала Эск.

Ведьма пересадила орла на спинку кровати и воззрилась на посох. Узор на нем снова начал меняться под ее взглядом, так и не раскрывая до конца свой подлинный облик.

Матушка не была новичком в использовании волшебных сил, но знала, что ее способ – это мягкое принуждение, незаметно изменяющее ход вещей. Разумеется, сама она выразилась бы иначе – она бы сказала, что, зная, где искать, ты всегда найдешь рычаг. Сила же, заключенная в посохе, была грубой, свирепой – сырая магия, извлеченная из тех сил, что управляют самой вселенной.

За чудо придется платить. Матушка достаточно слышала о волшебниках, чтобы не сомневаться – цена будет высокой. Но если беспокоишься о цене, зачем тогда вообще идешь в лавку?

Она прокашлялась и спросила себя, какого черта ей делать дальше. Возможно, если она...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.